ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА

ИНСАЙДЕР

Вейская империя

Юлия Латынина

Инсайдер

«Эксмо»
1999

Латынина Ю. Л.

Инсайдер / Ю. Л. Латынина — «Эксмо», 1999 — (Вейская империя)

Если ваша империя из центра мира превратилась в камешек на краю необъятной Галактики; если ваши чиновники уверяют, что во всем виноваты люди со звезд, а ваши сектанты уверяют, что во всем виноваты чиновники; если все вокруг готовы продать родину за банку сметаны – смогут ли отчаянный террорист и хитроумный интриган добиться больше, чем добились благонамеренные реформаторы?

© Латынина Ю. Л., 1999
© Эксмо, 1999

Содержание

Часть первая 5
Глава первая, 5
Глава вторая, 16
Глава третья, 38
Глава четвертая, 60
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Юлия Латынина
Инсайдер

Часть первая
Чиновник

Глава первая,
в которой Киссур Белый Кречет попадает в аварию, а министр финансов рассуждает о причинах прорухи в государственной казне

Стены гостиной были затянуты голубым шелком, а углы аккуратно заложены шестигранными изразцами, что превращало комнату в благоприятствующий жизненному успеху восьмиугольник и сглаживало все углы в судьбе ее владельца. На шелке были вышиты картины – цветущие лотосы с листьями, опущенными от жары, распускающиеся сливы, белоснежная утка в заводи и весеннее солнце. Светильник, похожий на прозрачный перевернутый гриб, свисал почти до самого пола, и по ободу его шли золотые медальоны с изображениями различных зверей.

Возле светильника стоял маленький столик с запотевшим кувшином и рядом – кресло. В кресле сидел человек лет тридцати с небольшим, в шелковых штанах и куртке, перехваченной поясом из крупных серебряных блях. У него было очень красивое, но жестокое лицо со светло-карими, навыкате, глазами и взлетающими вверх уголками бровей, и перстни тонкой старинной работы странно выглядели на его хищных пальцах с нестрижеными ногтями. Белокурые волосы его были скручены в пучок и заткнуты черепаховым гребнем. В левом углу на толстой золотой ножке стоял трехмерный трансвизор.

Человек время от времени переливал содержимое кувшина в пятигранную чашечку, закрывал чашечку лакированной крышкой с продетой сквозь крышку соломинкой и вставлял соломинку в рот. И глядел в трансвизор.

По левую руку от человека, в рамке из собольего меха, висел небольшой рисунок с изображением больного воробья в снегу – очень красивый рисунок. Под рисунком стояла подпись самого императора. Это был личный подарок императора хозяину кабинета. Тут же висели два золотых кольца для цветов, увитых орхидеями и клематисом. Поверх трансвизора торчало заячье ухо спутниковой антенны, и за антенной стоял посеребренный горшок, где цвело бледно-розовыми цветами растение с изысканным названием «нахмуренные бровки красавицы».

Картинка в трансвизоре решительно отличалась от изображений на шелковых свитках, украшающих комнату. Трансвизор не рисовал ни больных воробьев, ни цветущих слив. По трансвизору шла пресс-конференция. Говорил важный, породистый иномирец с поросячьими глазами, привычно щурящимися от фотовспышек. Перед иномирцем топорщился целый табунок микрофонов. Иномирец добросовестно пытался заглянуть в комнату через экран и, вероятно, чувствовал себя чужим в окружении цветущих слив и золотых колец для цветов.

Человека на экране что-то тоненько спросили, и он благосклонно ответил:

– Ни в коей мере не вмешиваясь в дела суверенного народа и не оказывая никакого давления на правительство, Федерация Девятнадцати приветствовала бы решение императора о

проведении первых в истории вашей страны парламентских выборов как свидетельство еще одного шага вашего народа на пути интеграции в галактическое сообщество.

Человек, сидящий в кресле, вылил в чашку остатки из серебряного кувшина. Затем он несильно размахнулся и влепил кувшином прямо в лоб улыбающемуся господину на экране. То т перестал улыбаться и потух. Экран крякнул и разлетелся на мелкие кусочки. «Нахмуренные бровки» с шумом обрушились вниз, и в комнате отвратительно завоняло жженой пластмассовой требухой. Расписные двери раздвинулись, и в комнату вкатился пожилой дворецкий в голубом кафтанчике.

– Убери это, – сказал, не повышая голоса, человек в кресле.

Дворецкий всплеснул руками и сказал:

– Ах, господин Киссур, ведь это уже третий за неделю!

Киссур выскочил из кресла, хлопнул дверью – и был таков.

В комнате дворецкий сунул руку в пустой кувшин, поскребся, облизал… Господин даже не был пьян, ну, почти что не пьян, – в кувшине было слабенькое пальмовое вино, щедро разведенное абрикосовым отваром. Киссур мог напиться, напиться выше глаз, до страшной драки и разрубленных тушек собак, а то и людей – но только на веселой пирушке с дюжиной приятелей. Один Киссур не пил никогда.

Киссур меж тем сбежал вниз по лестнице и выскочил во внутренний двор. Была уже ночь. Пахло мятой из загородных садов, бензином и лошадьми. Вокруг дворика с трех сторон поднималась городская усадьба с плоской крышей и острой, изящной, как лист осоки, башенкой при левом крыле, изукрашенной резьбой в виде виноградных листьев. Раньше такие башенки строили высокопоставленные вельможи, дабы те трогали пальчиками небо и служили лестницей, по которой к их владельцу нисходила удача. Про такие башенки раньше говорили, что выше их – только шпили государева дворца и звезды. Теперь этого сказать было никак нельзя, потому что чуть подальше на черном небе вырисовывался строительный кран, собранный из стальных спичек, – и, стало быть, небо пальчиком трогал именно он. Киссур в бешенстве пнул кулаком вверх и полетел, топоча, по дорожке, освещенной лунами и фонарями.

На заднем дворе, перед воротами, увитыми бронзовым виноградом, стоял слуга в синей курточке и любовно мыл длинный глянцевитый автомобиль, словно заплетал лошади хвост. Черные бока машины блестели в лунном свете, и сбоку сверкали серебряные жабры воздухозаборников для водородного двигателя.

Киссур вышиб шланг из руки раба и прыгнул за руль. Колеса взвизгнули, – раб едва успел отскочить. Стражник в будочке у ворот в ужасе ударил по кнопке на пульте, ворота задрались вверх, и машина вылетела на пустынное и мокрое ночное шоссе. «Когда-нибудь он не успеет поднять ворота, – подумал Киссур, – и я сломаю себе шею о свою собственную стену».

Машина, урча, жрала водород – удивительное дело, лошадь ест тогда, когда отдыхает, а эта черная железяка ест тогда, когда едет, а когда отдыхает, она ничего не ест. Да! Семь лет назад, когда тоска, бывало, съедала душу, Киссур брал черного, с широкой спиной и высокими ногами коня и скакал до рассвета в императорском саду, в балках, заросших травами и кустами, – где теперь императорский сад? Загнали, продали, как девку на рынке, под какую-то стеклянную дылду, стыдно говорить, – ведь то самое место, где стоял кран из стальных спичек, не кто иной, как сам Киссур продал какой-то ихней корпорации…

Шоссе внезапно кончилось у вздувшейся речки: Киссур едва не кувыркнулся в воду с обрывка понтонного моста. А все-таки эта штука скачет быстрее коня, хотя и воняет железом. Раньше железом пахло только оружие, а теперь у каждого чиновника в доме стоит этот бочонок и воняет железом, и страшно подумать, сколько родины чиновник продал за этот бочонок…

Киссур развернулся и медленно поехал обратно. Шагов через сто от шоссе уходила налево залитая бетоном дорога. В лужице, собравшейся у поворота, плавали ошметки луны. «Что за дорога?» – заинтересовался Киссур и свернул.

Через десять минут дорога кончилась. Свет фар выхватил из темноты высокий бетонный забор с козырьком из колючей проволоки и сторожа, одиноко маявшегося на вышке. Слева темнело неогороженное поле, и по этому полю бил желтый луч прожектора. Киссур вышел из машины и пошел по полю, к экскаватору, возвышающемуся, как заводной крот, над недоеденным холмом. Поле все было продавлено траками и колесами, в глиняных колеях блестела вода. Экскаватор был огромный, выше тополя – одна из тех чудовищных машин с гусеницами в пол человеческого роста, которые заглатывают глину и привезенные издалека добавки, тут же все переваривают и извергают из нутра уже готовые строительные блоки.

Киссур вскарабкался по крутой лесенке на экскаватор. Карабкаться было долго, лесенки изламывались, шли горизонтально, превращались в узкие проходы между стальными кожухами механизмов и наконец закончились у крошечной кабины. Кабина была заперта, сквозь стекло на Киссура глядели россыпи синих огоньков на дремлющих пультах.

В этот миг луна опять высунулась из облаков, – далеко внизу мелькнула Пьяная Река, и над ней – цветная башенка моста Семи Облаков. Киссур вдруг узнал это поле, – здесь, у Семи Облаков, восемь лет назад он догнал мятежника Ханалая, когда тот уже собирался войти в столицу, – догнал, и с пятьюстами всадниками утопил в реке тысячи четыре бунтовщиков… У предводителя отряда на шее было гранатовое ожерелье: Киссур очень хорошо помнил, как одной рукой срубил ему голову, а другой сунул за пазуху ожерелье.

Киссур повернулся и стал спускаться вниз по скользкой, пахнущей мазутом и химией лесенке. Его машина тихо урчала и жаловалась из-за незакрытой дверцы. Охранник в своем гнезде нерешительно топтался: что такое? Начальство ли приехало ночью на таком шикарном бочонке поглядеть на стройку? А на грабителя непохоже… И взять хоть тот же экскаватор, это ж с ума сойти, какая машина дорогая: ростом в три этажа, что твой кипарис, сама ходит, сама в землю тычется, сама за собой плиты складывает… Говорят, стоит такая машина втрое больше, чем вся деревня, в которой охранник родился и вырос, и даже дороже императорского жезла, разукрашенного каменьями и золотом. Ну, это уж брешут, наверное, императорский жезл – средоточие мира и опора власти, стукнет император своим жезлом, и от стука этого цветы расцветают, а птицы начинают вить гнезда, – как его можно с какой-то железякой равнять? Нельзя его с железякой равнять, вот и злятся люди с неба, хихикают над жезлом: мол, враки все это, и весна не оттого наступает, что император жезлом об пол в Зале Ста Полей бьет, а оттого, что планета Вея как-то по-другому свой бок к солнцу поворачивает. А может, и не брешут люди с неба. Может, и вправду их экскаватор против императорского жезла посильней будет…

– Эй, – сказал Киссур, – что тут строят?

– Не могу знать-с, – ответил испуганно охранник. – Говорят: мусорный завод.

– Кто строит?

Охранник озадаченно молчал.

– Я, господин, знал, только имя такое трудное…

– Иномирцы?

– Они.

Прожектор с вышки бил Киссуру в глаза, бесстыдно затмевая луну. Киссур покачался на каблуках, кинул сторожу монетку, сел в автомобиль и уехал.

Ему было совершенно все равно, куда ехать, но колеса сами вывезли его к Яшмовым Холмам, самому дорогому пригороду столицы. За тротуарами, выложенными синим сукном, потянулись расписные стены, за стенами замелькали деревья и репчатые башенки флигелей, на перекрестках замигали светофоры, освещая призрачным светом статуи богов и дорожные знаки.

Киссур проехал по улице с односторонним движением в сторону, обратную дозволенной, свернул на запретный знак и, не находя нужным снижать скорость, помчался через ночные перекрестки. Два раза он благополучно проехал на красный свет, а на третий раз ему не

повезло: из-за беленого забора вывернулся серый и невероятно длинный, похожий на ласку автомобиль. Представительский «Дакири», последняя модель, производство республики Гера.

Киссур крутанул руль до отказа еще раньше, чем тугодумные биоэлектронные потроха автомобиля учуяли опасность. Тормоза обеих машин нехорошо запели в ночи. Серый «Дакири» нырнул влево. Все бы обошлось, если б не мокрый асфальт: серый завертелся волчком и носом влетел Киссуру в правый бок.

Раздался отчаянный скрежет металла, словно под старым клинком рассыпались завитки кольчуги.

Потом все стихло.

Владелец «Дакири» выскочил из машины, бросился к другому автомобилю, дернул дверцу и сунул голову внутрь. Это был высокий, чуть ниже самого Киссура, и молодой еще мужчина. У него были темные волосы и темные взбешенные глаза, и он был одет в безупречно выглаженный костюм с белой рубашечкой и плоской удавкой галстука, как и полагается человеку, сидящему за рулем машины, сопоставимой по цене с подержанным «шаттлом».

Вероятно, водитель ожидал найти в машине труп или раненого: лицо его изумленно вытянулось, когда он обнаружил, что виновник аварии сидит и вытаскивает из кармана бумажник. Тут Киссур взглянул в зеркальце заднего вида, сдвинувшееся от удара, и заметил, что волосы его, закрученные в пучок, растрепались и гребень выскочил из пучка, как кнопка из предохранителя. Киссур вынул гребень и стал расчесывать волосы.

Лицо темноволосого исказилось, словно в трансвизоре со сбитой настройкой: он поволок Киссура наружу и нехорошо зашипел на языке людей со звезд:

– Ах ты вейская обезьяна! Сначала слезь с дерева, а потом садись за руль!

Улыбка медленно сползла с лица Киссура. Он оставил в покое гребень, перехватил обеими руками запястья иномирца, тянувшего его из машины, вылез сам и, несильно размахнувшись, поддал иномирцу коленом в солнечное сплетение. То т обмяк и сказал «ой». Громко захрустела красная черепица, прикрывавшая канавку на обочине, и иномирец, задрав ноги, провалился сквозь черепицу вниз. Киссур усмехнулся, оправил рубашку и взялся за дверцу машины.

В следующую секунду что-то мелькнуло над его головой и отразилось в длинном оксидтитановом ребре автомобиля. Киссур мгновенно обернулся: Великий Вей! Чужак выдрался из черепичной канавки и летел на Киссура, приплясывая как гусь. Киссур, ошарашенный, успел уклониться от первого удара, но второй едва не своротил ему челюсть. Киссура шваркнуло в угол между зеркальцем заднего вида и дверцей. Зеркальце хрустнуло, и Киссур заметил правую ногу иномирца в двух пальцах от своего уха. За эту ногу Киссур уцепился и повернул: но вместо того, чтобы улететь лицом в асфальт, умелый чужак молодецки завопил, как-то чудно перекинулся в воздухе и въехал свободной ногой Киссуру в брюхо. Киссур даже потерял на мгновение сознание, а открыв глаза, обнаружил, что уже валяется на дороге, как стручок от съеденного боба, а иномирец опять собирается бить его ногой. Киссур перекатился на бок: иномирец промазал, а Киссур, напротив, очень ловко выбросил ногу и попал иномирцу прямо в то место, где у чужака рос его кукурузный початок: тот завопил уже не так весело. Киссур подпрыгнул спиной, вскочил на ноги и ударил противника по морде, раз и другой: тот обмяк. Киссур пихнул его, для надежности, пяткой в пах, приподнял и шваркнул о ветровое стекло серенького «дакири». Слоеное стекло затрещало и пошло ломаться, иномирец свесил голову и потерял сознание.

Киссур стоял, тяжело дыша, моргая полубезумными глазами. Во время драки Киссур был приучен терять над собой всякий контроль: предки его в такие минуты превращались в волков и медведей, и, будь у Киссура за спиной меч, он непременно бы зарубил негодяя. Но меч теперь носить было бы глупо, а этих, – с пулями, со светом, с газом, – словом, с дыркой посередине, как у бабы, Киссур не жаловал. И хотя в багажнике машины у Киссура лежал

веерный трехкилограммовый лазер и еще какая-то шибко модная штучка, Киссур и сам не знал, зачем их возил. Так, все его друзья возили, и он возил.

Киссур стоял, бессмысленно мотая головой и понемногу возвращаясь в мир. Иномирец лежал на капоте собственного автомобиля, как раздавленная лягушка, белая его рубашка и темная прядь волос были безнадежно перепачканы клюквенным соком. Светофор над перекрестком мигнул и переменил свет: фигурка бога-хранителя перекрестков засверкала зеленым. Киссур окончательно пришел в себя. Он пошевелил губами и вытащил из кармана бумажник. Киссур не уважал чиповых карточек. Он выгреб из бумажника все, что там было, – тысяч двадцать, а может, пятьдесят, – по его смутным воспоминаниям, – свернул деньги трубочкой и сунул их чужаку в разбитые зубы. Ему не хотелось, чтобы про него говорили, что он бьет людей даром.

Потом сел в машину – и уехал.

* * *

Машина медленно катилась вперед. Киссура слегка мутило, из носу капала кровь. Скверно будет возвращаться домой в таком виде.

Киссур миновал еще несколько особняков и остановился перед красивыми бронзовыми воротами. На воротах сплетались в танце лошади и павлины, синяя эмаль на хвостах лошадей искрилась в свете фар. Это были такие красивые ворота, что казалось, будто они ведут с земли на небо. За воротами, в ночи, сладко пах сад, и из темной массы деревьев торчали репчатые башенки флигелей и боги, грустящие на плоских кровлях крытой дороги. Сбоку, на воротах, блестела табличка слоновой кости: «Шаваш Ахди. Министр финансов». Под табличкой стояла маленькая фигурка бога-покровителя ворот. В руке у бога была корзинка с рыбой. Под фигуркой бога-покровителя стояла мраморная чашка, и в ней, демонстрируя скромность хозяина и напоминая о тростниковых хижинах древних чиновников, горел кусок высушенного коровьего навоза, пропитанного жиром.

Почему-то ворота были закрыты: министр финансов не кормил сегодня ни чиновников, ни нищих.

Киссур усмехнулся.

Обладатель особняка мог бы написать на табличке множество разных званий: Хранитель Благочестия, Парча Истины, Цветник Заоблачной Мудрости, Луг Государственной Добродетели и прочая, и прочая, – которые он довольно регулярно получал от императора и которые полагается писать на надвратных табличках наряду с именем и должностью. Но обладатель особняка часто принимал людей со звезд и, видимо, понимал, что Парча Истины и Цветник Мудрости – это звания, которые не очень-то вдохновляют чужеземцев.

Киссур помигал фарами: вдруг ворота, безо всякого окрика, разошлись в стороны, и Киссур въехал внутрь.

Двор был ярко освещен. В фонтанах, снизу вверх, били струи воды и света, и было видно, как над струями прыгают разноцветные шарики. Ряды колонн и розовых кустов вели к открытым парадным покоям. Вершины колонн, из резного нефрита, отделанного серебром, уходили к луне. Хозяин, сбегая с мраморных ступеней, уже спешил по широкой дорожке. Слуга с поклоном отворил дверцу, и Киссур вылез из машины.

Министр финансов был мужчина лет на пять старше Киссура, в самом еще расцвете мужской красоты и стати. У него было чувственное и лукавое лицо с влажными красными губами и чуть намечающимся двойным подбородком, вьющиеся волосы цвета спелой соломы и поразительные глаза: большие и печальные, словно из чистого золота. Такой цвет глаз бывал только у коренных жителей империи, – в Чахаре и Кассандане сохранились всего несколько сел, где у каждого крестьянина были такие глаза.

Несмотря на позднее время, министр одет был скорее по-чужеземному: длинные штаны и серый свитер без всякой вышивки. Искусный его покрой скрывал легкую полноту чиновника, и министр выглядел безупречно, если бы не один маленький недостаток, особенно заметный в присутствии Киссура. Чиновник был ниже белокурого варвара ровно на добрую голову, и даже изящные туфли с трехсантиметровыми каблуками не спасали положения.

Господин Шаваш замер, увидев, кто вышел из машины, но сразу же оправился, раскрыл руки и обнял Киссура.

– Здравствуй, – сказал он.

– Вот, – сказал Киссур, – ехал мимо и решил заглянуть. Прости, что не спросился… Не люблю я этих, – фью-фью… – Киссур просвистел популярную в этом сезоне мелодию и для пущей наглядности щелкнул пальцами по запястью, на котором красовался дорогой платиновый комм. – Ты не занят?

Господин Шаваш покосился на помятую дверцу, оглядел Киссура с ног до головы.

– Дай-ка мне твое водительское удостоверение, – сказал чиновник.

Киссур выгнул брови, вытащил бумажник и протянул удостоверение. Шаваш помахал удостоверением, подумал, разорвал его на части и бросил в подсвеченный фонтан. Любопытные рыбки поспешили к бумажке.

– Кого сбил?

– Никого я не сбил, – ответил Киссур, – о столб ударился.

Это была, конечно, недолгая ложь. Если иномирец мертв, Шаваш узнает все завтра утром, а если иномирец жив, то, пожалуй, что и сегодня ночью. Но Киссур приехал к Шавашу не затем, чтоб замять скандал. Слава богу, еще не наступили те времена, когда всякий чужеземец при галстуке может безнаказанно подать жалобу на личного друга государя.

– У столба-то, – заметил Шаваш, – пудовые кулаки.

– Ты кого-нибудь ждешь? – спросил Киссур, – я не вовремя?

Шаваш чуть заметно смутился.

– Ты всегда вовремя.

Шаваш отдал приказание: Киссур прошел в гостевые покои. Слуга, семеня, поспешил за ним с корзинкой с чистым бельем. Шаваш сказал вдогонку:

– Больше ты не сядешь за руль. А то когда-нибудь убьешься.

– Ничего, – отозвался Киссур, – кого боги любят, тот умирает молодым.

* * *

Через двадцать минут слуги, кланяясь, провели Киссура по крытой дороге в Павильон Белых Заводей.

В усадьбе господина Шаваша было два павильона для приема гостей: Павильон Белых Заводей и Стеклянный Павильон. Павильон Белых Заводей был отделан в старинном духе, ноги утопали в белых коврах, под потолком качались цветочные шары, золотые курильницы струили благовонный дым, на стенах висели подбитые мехом шелковые свитки, а углы (скверная вещь угол, от нее идет все плохое в доме) – были надежно скрыты от глаз поднимающимися до самого потолка комнатными вьюнами. Стеклянный Павильон проектировал какой-то иномирец, и там был только хром да стекло.

Подданных императора Шаваш обычно принимал в Павильоне Белых Заводей, а иномирцев – в Стеклянном Павильоне. Утверждали, что у этих двух мест есть волшебное свойство: когда господин Шаваш принимал своих соотечественников в Павильоне Белых Заводей, он вел одни речи, а когда он принимал иномирцев в Стеклянном Павильоне, речи его были совсем другие. Например, если его спрашивали о причинах бедности империи в Павильоне Белых Заводей, то он жаловался на жадность людей со звезд, которые только и норовят, что

купить побольше Страны Великого Света за кадушку маринованного лука, а если его спрашивали о том же самом в Стеклянном Павильоне, то он жаловался на леность и корыстолюбие вейских чиновников. И так как все эти речи произносил один и тот же человек, то, согласитесь, без волшебных свойств самих помещений тут дело не обошлось.

Слуги внесли на подносах жареного гуся и корзины с отборными фруктами, уставили стол овощными и мясными закусками. Последней принесли дыню, плававшую в серебряном ушате. Шаваш, надевший уже вместо чужеземного свитера черную бархатную куртку с золотым узором из переплетающихся трав, с почетом усадил Киссура на место гостя и отбил горлышко глиняному кувшину с вином. Киссур поймал отбитое горлышко и взглянул на печать.

– Хорошее вино, – сказал Киссур, – если эту печать не подделали.

– В моем доме подделок не бывает, – отозвался Шаваш, – его сделали в Иниссе, в пятый год правления государя Варназда.

– Его сделали, когда империя еще была империей. Его сделали тогда, когда я еще не был министром, а был разбойником в горах Харайна и когда моя жена была твоей невестой.

Шаваш чуть усмехнулся и разлил вино в чашки.

– Я бы, – проговорил Киссур, – выпил того вина, которое было розлито при государе Иршахчане. Когда в империи не было ни торговцев, ни взяточников и когда всякие варвары с гор или с небес не тыкали нашему народу в глаза своими мечами или своей наукой.

– Боюсь, – отозвался Шаваш, – что вина такой давности не осталось, а если и осталось, то давно превратилось в уксус.

Друзья сплели руки и выпили вино.

После этого Шаваш принялся за закуску из молодых ростков бамбука и речного кальмара, политого пряным инисским соусом. Киссур, прищурившись, катал в руках свою чашку и глядел на человека напротив.

Даже среди вейских чиновников, которых никак нельзя было заподозрить в избытке добропорядочности, Шаваш заслужил репутацию отъявленного корыстолюбца. Брали слуги Шаваша, брали его подчиненные, брала его жена (кстати, сестра жены Киссура), брали землями и акциями, лицензиями и деньгами, опционами и породистыми конями, новейшими финансовыми инструментами и старинными картинами, брали от окраинных миров и серединных, брали от Федерации Девятнадцати и от Геры, – впрочем, диктатор Геры сам не брал и другим давал мало. Один чиновник расспрашивал, что такое супермаркет, ему объяснили, что это место, где можно купить все. «Да это же дом господина Шаваша!» – изумился чиновник. Киссур сам как-то, после особо возмутительной сделки, взял Шаваша за грудки на приеме у государя и осведомился, почем фунт родины. «Я родину люблю и продаю ее дорого», – осклабился Шаваш. Господин Шаваш говаривал: если человек говорит, что он не любит деньги, значит, деньги его не любят.

За семь лет, прошедших с того, как иномирцы пришли в империю, в стране сменились четыре правительства, и каждое из правительств отменяло всех сановников предыдущего. Шаваш был единственный из высших чиновников, который состоял при всех них и при всех уцелел, – и первый, кого он предал, чтобы уцелеть, был его учитель и господин Нан, сделавший его из маленького воришки большим начальником. Из-за такого политического долгожительства в руках Шаваша, несмотря на его незначительное происхождение и молодые еще лета, стянулись все нити влияния и управления страной.

Шаваш мог помочь всему и всему мог помешать, и даже самым лопоухим из иномирцев, прилетавших на Вею с целью инвестировать в строительство какого-нибудь курорта на лоне первозданной природы или в разработку уранового рудника, каковая разработка рано или поздно с первозданной природой покончит, – было известно, что прежде всего надо идти на смотрины к министру финансов и инвестировать сначала в Шаваша, а уж потом в рудник.

Киссур как раз покончил с половиной гуся, когда в комнату проскользнул, кланяясь, слуга и вручил Шавашу листок. «На перекрестке Весенних Огней – следы столкновения двух автомобилей, проломана черепичная кровля канавки, на асфальте – кровь и осколки фар, идентичные с разбитой задней фарой Киссура. Чешуйки серой краски, приставшие к багажнику автомобиля Киссура, также совпадают с чешуйками краски на месте столкновения». Это был ответ на те приказы, которые Шаваш двадцать минут назад отдал секретарю.

Шаваш согнул листок и положил его в оплетенный золотом рукав, за подкладкой которого, по старому обычаю, скрывался кармашек для денег и бумаг.

– А что, – спросил Киссур, – строят на поле Семи Облаков?

Чиновник подумал. Круглое его лицо осталось совершенно неподвижным, но в золотых глазах что-то мелькнуло, словно вспышка на экране локатора. Мелькнуло и пропало.

– Мусорный завод, – сказал он.

– Кто? Опять ихняя корпорация?

– Компания называется «Аялини». Владельца зовут Камински. А в чем дело?

– Ничего, просто мимо ехал. Стало интересно.

– И что же, построили они завод?

– Нет, – сказал Киссур, – завода они еще не построили. Они построили большую дорогу к мусорному заводу.

Шаваш, полулежа на диване, нянчил в руках лакированную чашку с вином. Белые дымки от стоящих вдоль стен курильниц сплетались под подсвеченным неоном потолком. Киссур обсосал гусиную грудку, запил ее новой чашкой вина и сказал:

– Мусорный завод! Предки выметали сор из дому только в полнолуние, звали при этом заклинателей, чтобы сор не подобрал колдун и не навел порчу! Представляешь, что бы творилось в домах иномирцев, если бы они выбрасывали свой сор раз в месяц! Все их обертки и банки поднялись бы выше потолка, хотя потолки у них очень высокие! Разве народ, который производит столько мусора, может называться цивилизованным? Как этот народ смеет учить нас производить, чтобы выбрасывать!

Шаваш на эту тираду никак не отреагировал. Киссур допил вино, и глаза его сделались еще отчаянней.

– Зачем, – сказал Киссур, – столице мусорный завод?

– Вероятно, – предположил Шаваш, – чтобы перерабатывать мусор.

– Вздор, – возразил Киссур, – иномирцы не нуждаются в заводах, чтобы перерабатывать мусор. Они делают мусор, чтобы иметь предлог построить мусорные заводы. Почему бы не попросить государя наложить запрет на такую стройку! Почти в центре столицы!

Шаваш безразлично следил за сплетениями дымов на подсвеченном потолке. Через раскрытые окна в павильон лилась ночная свежесть, и возле пруда кричали цикады.

– Не бойся, – сказал вдруг Шаваш, – Камински не построит своего завода.

– Отчего это?

– Как ты сам заметил, это земля едва не в центре столицы. Статус земли пересмотрят, промышленное строительство запретят, комиссия по деловой и промышленной земле подаст жалобу, государь ее подпишет, и завод отменят.

– Но там уже есть фундамент.

– За фундамент господин Камински получит компенсацию – два миллиона.

– А потом?

– Потом господин Камински построит в новой деловой зоне вместо мусорного завода – деловой центр.

– Я, наверное, очень глуп, – проговорил Киссур, – но я не понимаю, в чем дело.

– Земли империи, продаваемые в частные руки иностранных инвесторов, – терпеливо объяснил Шаваш, – делятся на четыре категории: поля, жилые земли, земли деловые и про-

мышленные. Земля в промышленной зоне стоит в двенадцать раз дешевле, чем в деловой. Если бы господин Камински с самого начала покупал землю под бизнесцентр, это обошлось бы ему слишком дорого.

– А фундамент?

Шаваш поставил лакированную чашку на стол и развел руками.

– Я, конечно, не инженер, и на стройку лишних людей не пускают, но если бы я был инженер и меня бы пустили на стройку, я бы, вероятно, заметил, что фундамент и система подземных коммуникаций отвечают требованиям, предъявляемым к деловому центру, и не отвечают требованиям, предъявляемым к заводу по переработке вторсырья.

Лицо Киссура окаменело.

– Так, – сказал он, – и за это Камински еще получит два миллиона компенсации.

– Компенсацию, – отозвался Шаваш, – получит не Камински. Компенсацию получит чиновник, который утвердит жалобу и переведет землю из одной категории в другую.

– Погоди, но ведь такая сделка должна идти через ваше министерство!

– В данном случае она прошла не через министерство. Она прошла через ведомство господина Ханиды.

– Понятно. И ты не можешь простить Ханиде, что деньги достались ему, а не тебе.

– Мне бы они не помешали.

Киссур встал и начал расхаживать по павильону. Его босые ноги утопали в белом ковре, и когда варвар оборачивался, Шаваш видел в расстегнутом вороте его рубашки вытатуированного чуть ниже шеи кречета. Кадык Киссура недовольно дергался, и кречет на татуировке словно клевал противника.

– Взаимная выгода, – заговорил Шаваш, – основа сотрудничества. Камински экономит четыреста миллионов, Ханида получает два миллиона. Вейские чиновники стоят дешево.

– А если все сорвется? Если государь уволит Ханиду раньше, чем тот перепишет землю?

– Но ведь Камински дал Ханиде совсем немного, не более семисот тысяч. Остальное Ханида получит лишь по успешном завершении дела, и не от иномирца, а от государства. Это не Ханида выдумал, это очень известный способ.

– А какие еще есть способы? – быстро спросил Киссур.

Чиновник развел руками, улыбаясь, как фарфоровая кошка. Ему явно не хотелось рассказывать Киссуру о том, какие есть способы продавать собственную страну, хотя по части этих способов он был куда проворней Ханиды.

– Киссур, ты давно не видел мою коллекцию часов? Пойдем, я тебе покажу.

И, неторопливо поднявшись, Шаваш направился к шкафу времен пятой династии, стоявшему тут же в павильоне, – в шкафу этом на сверкающих малахитовых полках покоилась коллекция вейских карманных часов, которую собирал Шаваш.

Коллекция действительно похорошела. К ней прибавились крошечные песочные часы в оплетенном золотыми узелками стаканчике и три штуки тех механических карманных часов, которые начали появляться в империи как раз накануне катастрофы и которые всегда были роскошью, а значит, и искусством, с прихотливой росписью и украшениями, с перламутровыми стрелками в виде фигурки бога вечности, и ничего общего не имели с той плоской дрянью, которую теперь носили на запястьях даже женщины. Были там и еще новички: крошечные часы, вделанные в крышку нефритовой коробочки для румян, – стекла у них не было, вместо стекла была витая филигранная решетка, за которой, как в клеточке, томилась единственная часовая стрелка; овальные, усыпанные жемчугом часики с двумя циферблатами, – один циферблат для минутной стрелки, другой – для часовой, – и длинная цепочка из яшмовых подвесок, на каких высокопоставленные чиновники носят личные печати. Снизу была печать, а сверху посыпанные драгоценной мелочью часы.

Киссур схватил вдруг Шаваша за левую руку, – на ней сидел стандартный, хотя и очень дорогой комм с экраном-циферблатом, и четырнадцать часов вейского времени – от Часа Петуха до Часа Черного Бужвы, – были отмечены на нем цифрами Земли. Киссур так и не смог привыкнуть, чтобы вместо имени часа была цифра. Это все равно как если бы цифра была вместо имени человека.

– Да, – глухо сказал Шаваш. – Наше время оборвалось. И пусти мне руку, а то ты ее опять сломаешь.

Киссур, усмехаясь, выпустил руку чиновника, повернулся к полке и взял оттуда часики-луковицу с хрустальной крышкой вместо стекла. На лице Шаваша мелькнуло беспокойство: Шаваш любил эту луковицу больше, чем любую из наложниц, и Киссур это знал. Киссур сжал луковицу в кулаке и помахал ею перед носом Шаваша. Кулак у Киссура был размером с маленькую дыню, и луковица исчезла в нем совершенно.

– Та к что, – спросил Киссур, – какие еще есть способы? Сколько твоих месячных жалований стоила эта луковица?

Шаваш вдруг выгнулся, как кошка, у которой забирают котят.

– А ну положи на место, – зашипел он.

И неизвестно, что бы ответил Киссур, но в этот миг у входа в зал стукнула медная тарелочка, и вошедший слуга объявил:

– Господин Бемиш умоляет извинить его за опоздание.

– Проси, – отчаянно вскрикнул Шаваш.

Киссур, дернув ртом, положил луковицу на место и на несколько мгновений задержался, разглядывая знаки в руках бога вечности, изогнувшегося вокруг циферблата.

Странное дело! В свое время моду на часы ввела эта сволочь, министр Нан, который оказался потом вдобавок варваром со звезд, – и вместе с модой на часы он притащил идею одинакового хода времени. Идею эту империя, по сути, не принимала до сих пор, упорно разделяя светлую часть суток на двенадцать часов, а ночь, – время, в которое полагается спать и беседовать с богами, упорно именуя страшным Часом Бужвы, и только из суеверия иногда подразделяя этот тринадцатый час на две половинки: Белого Бужвы и Черного Бужвы.

Киссур терпеть не мог этой моды, – как это, чтоб стрелка указывала человеку, как господин рабу, – а теперь вот сердце его болезненно сжалось при виде *вейских* знаков и *вейского* механизма.

Когда Киссур обернулся, чиновник уже церемонно кланялся человеку, стоявшему у порога.

– Прошу, – сказал Шаваш, – будьте знакомы, Теренс Бемиш, президент компании АДО, господин Киссур, личный друг императора…

Иномирец и Киссур взглянули друг на друга.

Киссур вылупил глаза: это был тот самый темноволосый чужак, с которым он подрался часа два назад. Великий Вей! Киссур-то думал, что иномирец помер, – а тот даже рубашечку где-то сменил!

– Мы уже знакомы, – ровным голосом сообщил иномирец и прибавил: – Господин Киссур, я как раз хотел передать вам письмо, – и, шагнув к Киссуру, вложил в его руку белый конверт. Киссур почувствовал под пластиком горстку смятых банкнот.

Киссур расхохотался и хлопнул Бемиша по плечу. Иномирец несколько мгновений кусал губы, видимо раздумывая, не навешать ли этому типу по роже, но Киссур хохотал так весело, что чужак не выдержал и присоединился к нему.

Шаваш настороженно захлопал ресницами. Чиновнику надо было решить множество проблем, и прежде всего: в каком павильоне их принимать и на каком языке говорить? Это был очень важный вопрос, ибо душа Шаваша обладала, как уже говорилось, таким свойством, что разговор на другом языке заставлял его рассуждать как бы о другом мире. Мы уже упоми-

нали, что когда его спрашивали о причинах нищеты в империи на языке иномирцев, он порицал, и очень резко, непомерные государственные расходы и бюджетный дефицит, на котором наживалась половина банков страны, а когда его спрашивали о том же по-вейски, он порицал алчность людей со звезд, которые скупают страну, можно сказать, за кувшин с пахтой. Поэтому Шаваш избегал говорить на языке людей со звезд в присутствии вейца и по-вейски в присутствии человека со звезд. У него от этого путались мысли.

Шаваш осторожно скосил голову и поглядел в увитое золотыми шнурами окно. Там, далеко за розовыми кустами и расчесанным песком дорожек, виднелись разноцветные струи фонтанов и краешек парадной лестницы, – и возле этой лестницы стоял белый длинный лимузин. А ведь иномирец прилетел вчера и заказал в агентстве машину – представительский серый «дакири». Шаваш любил, когда ему докладывали детали.

– Что же, господа, – сказал Шаваш, так и не решив касательно гостиной, – ночь дивная, зачем сидеть в восьми стенах, может быть, пройдем в сад?

– Прошу извинить меня, – поклонился Киссур, – я должен идти.

– Отчего же… – начал Шаваш.

– Право, – сказал Киссур, – я вам только помешаю. Двое уважаемых людей собрались обсуждать важное дело, а я что? Перекати-поле. Ведь не о такой же мелочи, как мусорный завод, пойдет у вас речь, а?

И, решительно повернувшись, сбежал по мраморным ступеням павильона, отороченного тонкими перилами с павлинами и единорогами из витой серебряной проволоки.

Глава вторая, в которой рассказывается о печальной истории Ассалахского космодрома, а бывший первый министр империи находит себе нового друга

На следующее утро Теренс Сэмуэл Бемиш сидел в номере на двадцать четвертом этаже сверкающей гостиницы из пластобетона и стекла, вознесенной в самом центре Старого Города, и с досадой разглядывал себя в зеркало. В зеркале отражался тридцатидвухлетний темно-русый субъект, с каменным подбородком, высокими точеными скулами и глазами холодными и жесткими, как ствол веерника. Это было лицо, внушающее уважение, если бы не синяк в форме пиона и длинная царапина на левой скуле, – разрез получился таким глубоким, что края, обработанные термогелем, не сомкнулись до сих пор.

Синяк и царапина превращали отражение в зеркале из лица бизнесмена в физиономию киллера; и это раздражало. Теренса Бемиша часто называли киллером, но только для метафоры. Против метафоры Бемиш не возражал: по правде говоря, она ему нравилась.

Стукнули в дверь: в номер вошел Стивен С. Уэлси, сотрудник одного из крупнейших инвестиционных банков Федерации Девятнадцати и его товарищ в этой глупой поездке.

– Ого, – сказал Уэлси, глядя с интересом на пионовый синяк, – это что, местная мафия?

– Так. Один тип помял мне фары.

– А дальше? – с нескрываемым интересом спросил Уэлси, знавший, что в шестнадцать лет будущий корпоративный налетчик Теренс Бемиш вышел в полуфинал юниорского чемпионата Федерации по кикбоксингу.

– Признаться, – сказал Бемиш, – я повел себя, как последняя скотина. Эти братья по разуму содрали с меня за аренду втрое больше, чем эта жестянка стоит. Я схватил парня за грудки и назвал его вейской обезьяной или вроде того. И получил по уху.

– Слава богу, что у вас хватило ума не драться дальше.

– Напротив, – горько сказал Бемиш, – я дал сдачи.

Брови Уэлси изумленно выгнулись.

– В целом, – пояснил Бемиш, – он уехал, а я остался сидеть задом в осколках своего же лобового стекла.

– А министр финансов?

– Я был у министра финансов – переоделся и поехал.

– И?

– Очень умный человек, – сказал Бемиш, внимательно разглядывая синяк, – и очень образованный. Он прекрасно знает, что такое эмиссия, андеррайтер, кумулятивная привилегированная акция и т. д. Согласитесь, что в стране, где большинство населения уверено, что, когда корабль иномирцев подлетает к небу, иномирцы стучатся в небо, и бог открывает им медную дверцу, – это большое достижение. Очень умный человек, который усвоил лучшее в двух культурах – империи и Федерации.

– Что это значит?

– Что он может разорить тебя, не моргнув глазом, как менеджер какого-нибудь фонда-стервятника, и что он собственноручно может отрезать у тебя голову, как истый вейский чиновник. А впрочем, очаровательный человек.

Бемиш пожал плечами, откупорил стоявшую на столе баночку со светло-серой мазью и начал смазывать синяк. Мазь продавалась под торговой маркой «дейрдр», сводила синяки за два дня и имела объем продаж в два миллиарда денаров в год. В Галактике ее можно было купить в любом супермаркете; здесь за ней пришлось посылать в посольство.

– И что же очаровательный человек сказал вам по поводу вашего желания купить Ассалах?

– Что согласиться на наш вариант – значит продать родину за банку сметаны.

– И что же? Можем собрать чемоданы и уезжать?

– Не совсем. Господин Шаваш намекнул, что он готов продать родину за банку сметаны, если банка будет большая.

Уэлси хмыкнул.

– Что я мечтаю, – сказал он, – что когда-нибудь Комиссия по ценным бумагам и рынкам капитала позволит завести в балансе графу: «на взятки чиновникам развивающихся рынков» – и что деньги из этой графы будут списаны с налогов…. Сколько он просит?

– До конкретных цифр дело не дошло.

Бемиш помолчал и продолжил:

– Акции компании фантастически недооценены. И потом, деньгами я ему не дам. Пусть берет ордера акций, хотя бы будет заинтересован в том, чтоб компания действительно встала на ноги.

– Но вам что-то не нравится?

– Шаваш не является президентом компании.

– Здравствуйте, – изумился Уэлси, – как это не является? На всех бланках написано: Шаваш Ахди, управляюший государственной компании…

– Это плохой перевод, Стивен. Компания не «государственная», а «государева». Чувствуете разницу? Я тут читаю учебник: на вейском нет двух разных слов для обозначения «государя» и «государства», это просто два залога одного и того же существительного, – у них есть залоги существительных, такой вот язык. Поэтому там, где нам переводят «государственный управляющий», на самом деле написано «государев управляющий», а где нам переводят «государство назначает», – написано «назначает государь». Государь лично назначает и сменяет управляющего своей компании, государь лично утверждает финансовые проектировки. А если государь не утвердит план эмиссии? Плакала наша сметана…

Бемиш покончил с мазью и подхватил со стула пиджак. Вдевая в него левую руку, он поморщился и сжал зубы.

– Гм, – сказал Уэлси, – судя по тому, что я слышал о здешнем государе, он не то чтобы проводит время над проспектами эмиссий денационализируемых компаний. Говорят, у него семьсот наложниц…

– Да, но это не гарантирует, что какой-нибудь чиновник, который терпеть не может Шаваша, не пойдет к государю и не разъяснит ему про банку сметаны.

– Некто Ричард Джайлс, который живет этажом ниже и хочет участвовать в конкурсе от имени компании «Венко», сказал, что без взятки Шавашу мы не добудем даже бумаг на предварительный осмотр космодрома, – задумчиво добавил Уэлси.

Бемиш разозлился:

– Что такое эта «Венко»? Никогда ничего не слыхал о такой компании.

В этот миг раздался стук в дверь.

– Войдите, – крикнул Уэлси.

На пороге образовался мальчишка с карточкой на мельхиоровом подносике. Мальчишка, по местному обычаю, встал перед чужеземцем на тощую коленку. Бемиш взял карточку. Мальчишка сказал:

– Господин хотел бы позавтракать с вами. Господин ожидает внизу, в холле.

– Сейчас буду, – сказал Бемиш.

Мальчишка, пятясь, вышел. Бемиш, косясь в зеркало, стал завязывать галстук. Уэлси взял карточку.

– Киссур, – прочитал он. – Ого! Это тот государев любимчик, который спер у Ванвейлена штурмовик и устроил бойню над столицей, а потом на Земле спутался с анархистами и ЛСД? Гд е ты связался с этим наркоманом?

Бемиш обозрел в зеркале свой синяк. Несмотря на мазь, тот сиял, как посадочные огни в ночи.

– Наркоманы, – сказал Бемиш, – так не дерутся.

* * *

Теренс Бемиш спустился во внутренний дворик через пять минут.

Киссур, высокий, широкоплечий и улыбающийся, сидел на капоте машины. Его светлые волосы были завязаны в хвост, оплетенный крупной черной сеткой. На нем были мягкие серые штаны, перехваченные широким поясом из серебряных блях в форме сцепившихся ртами акул, и серая же куртка. В разрез куртки было видно толстое ожерелье из оправленных в золото нефритовых пластин, – ни дать ни взять воротник. Наряд, по современной моде, не очень бросался в глаза, если не считать ожерелья и перстней на пальцах. Бемиш невольно поморщился и потрогал скулу в том месте, где перстень Киссура содрал ему кожу.

– Привет, – сказал Киссур, – надо же, президент компании! В жизни не видел президентов компаний, которые так дерутся! Или ты какой-то особенный?

Бемиш молча смотрел на давешнего обидчика; и если бы Теренс Бемиш был не финансистом, а, к примеру, колдуном, то после такого взгляда люди превращались бы в мышей. Но так как Теренс Бемиш был именно финансистом, Киссур ничуть не смутился, а наоборот, весело расхохотался, хлопнул его по плечу и сказал:

– Ты видел столицу?

– Нет.

– А что ты видел?

– Голограммы в холле гостиницы, – сказал Бемиш. – И там же предупреждение: не есть на базаре жареных речных кальмарчиков, если эти кальмарчики с Левой Реки, куда теперь впадает кожевенный комбинат.

– Понятно, – сказал Киссур, – тогда поехали.

Они выехали из гостиницы по синему лакированному мосту, запруженному торговыми столами и народом. Киссур остановился на мосту около лавки, где продавались венки, купил три штуки: два он надел на шею себе и Бемишу, а третий, немного погодя, оставил в храме Небесных Лебедей.

После этого Киссур повез Бемиша по городу.

Город, еще не виденный Бемишем, был прекрасен и безобразен одновременно. Луковки храмов и расписные ворота управ сменялись удивительными пятиэтажными лачугами, выстроенными из материала, который Бемиш не решился бы употребить даже на картонный ящик; горшечники на плавучем рынке продавали чудные кувшины, расписанные цветами и травами, и пустые радужные бутылки из-под газировки. По каналу весело плыли дынные корки и пестрые фантики, остатки всего, что произросло на Вее и что приехало с небес, всего, для чего нашлось место в ненасытном чреве Небесного Города и для чего не нашлось места в слабых кишках его канализации.

Они посмотрели на базаре ярмарочных кукол, которые, кстати, давали представление на сюжет нового популярного телесериала, знаменуя тем самым сближение культур, покормили священных мышей и побывали в храме Исии-ратуфы, где каменные боги, одетые в длинные кафтаны и высокие замшевые сапоги, кивали просителю головами, если тот бросал в щелку в стене специально купленный жетончик.

Киссур показал иномирцу чудные городские часы, сделанные в самом начале царствования государыни Касии. Возле часов имелось двадцать три тысячи фигурок, по тысяче на каждую провинцию, и все они изображали чиновников, крестьян и ремесленников, и все они вертелись перед циферблатом, на котором была изображена гора синего цвета. Бемиш спросил, почему гора синяя, и Киссур ответил, что это та самая гора, которая стоит на небе и имеет четыре цвета: синий, красный, желтый и оранжевый. Синей своей стороной она обращена к Земле, в силу чего небо и имеет синий цвет. А оранжевым своим цветом она обращена к богам, в силу чего небо над тем местом, где живут боги, оранжевое.

Это была довольно обычная культурная программа, если не считать того, что президента скромной компании, зарегистрированной в штате Бразилиа, Терра, Федерация Девятнадцати, сопровождал один из самых богатых людей империи.

Напоследок Киссур остановился у храма на одной из окраин. Причина, по которой Киссур это сделал, заключалась, видимо, в том, что к храму вела лестница в две тысячи ступенек. Киссур побежал по лестнице вверх, и Бемиш приложил все усилия, чтобы не отстать. Он запыхался, и сердце его бешено колотилось в грудную клетку, но иномирец и любимец императора бок о бок выскочили наверх колоннады, взглянули друг другу в глаза и рассмеялись. Вместе они составляли странную пару: высокий белокурый варвар с нефритовым ожерельем на шее и подтянутый чужестранец в пиджаке и галстуке.

– Как свиньи на скачках, – задыхаясь от смеха, сказал Киссур. – Теренс, ты видел свиные скачки?

– Нет.

– Обязательно сходим. Я на прошлой неделе просадил двадцать тысяч из-за этого ублюдка Красноносого!

Внутри храма было темно и прохладно. Среди зеленых с золотом колонн сидел бронзовый бог в парчовом кафтане и замшевых сапогах, а в соседнем зале сидела его жена. Киссур сказал, что вейцы не очень хорошо думают о неженатых богах, потому что бог должен быть хорошим семьянином и примерным отцом, а то что же ему требовать с людей?

Бемиш слушал странную тишину в храме и разглядывал лицо бога-семьянина.

– А где ты, кстати, научился драться?

– У отца, – сказал Бемиш. – Он был известным спортсменом. Да и я чуть не стал им.

Даже в полутьме храма было видно, как презрительно вздернулись брови бывшего первого министра империи.

– Спортсменом… – протянул он. – Стыдное это дело – драться на потеху черни. Почему ты не стал воином?

Теренс Бемиш изумился. Признаться, ему никогда в голову не приходило идти в армию, даже во сне не мерещилось.

– Армия, – сказал Бемиш, – это для людей второго сорта.

Бывший премьер усмехнулся.

– Да, – проговорил он, – для вас все, из чего не добывают богатство, дело второго сорта. А вы больше не делаете деньги из войны. Вы делаете деньги из денег.

– Я не это имел в виду, – возразил Бемиш. – Я хочу быть самим собой, а не устройством для нажимания на курок. Армия – это несвобода.

– Вздор, – сказал Киссур. – Война – это единственная форма свободы. Между воином и богом никого нет.

– Может быть, – согласился Бемиш, – только наша армия вот уже сто тринадцать лет не воевала.

Они вышли из зала, прошли через сад из камней и цветов и попали в другое крыло храма: оттуда поднимался запах вкусной пищи, и сквозь витую решетку Бемиш заметил автомобили

и флайер с дипломатическими номерами. Бемиш подумал, что храм сдает этот дом в аренду, но Киссур сказал, что тут всегда был домик для еды.

Они спустились во дворик. Во дворике неутешно журчал фонтан, и под желтыми колышащимися навесами за столиками сидели люди. Киссур усадил Бемиша за стол и, поймав проходившего мимо официанта, вынул у него из корзинки два кувшина с вином и продиктовал заказ.

– Значит, – сказал Киссур, разливая по глиняным кружкам пряное пальмовое вино, – воевать ты никогда не воевал. А грабил?

Бемиш даже поперхнулся от такого предположения, высказанного, впрочем, совершенно уважительным тоном.

– Я финансист, – сухо сказал Теренс Бемиш. – Возможно, принадлежащая мне компания будет заинтересована кое-что здесь купить.

– И много у тебя денег?

– Для того чтобы купить компанию, не обязательно иметь деньги. Достаточно иметь репутацию человека, который за год менеджмента может повысить ценность акций компании втрое, и финансовую фирму, готовую собрать для тебя деньги.

– Ага. А у тебя она есть?

– Да. Ее представляет мой спутник, Уэлси. Это инвестиционный банк «Леннфельдт и Тревис».

По правде говоря, главным в банке было слово Рональда Тревиса, еще пятнадцать лет назад пришедшего в банк простым брокером (банк тогда назывался «Леннфельд, Савитри и Симс»), и Теренс не без опаски произнес имя Тревиса. Но на Киссура оно никакого впечатления не произвело, и он лишь равнодушно спросил:

– А разве иностранные банки сюда пускают?

– «Леннфельд и Тревис» не обслуживает депозитных счетов. Он занимается инвестициями, – сказал Бемиш с некоторой обидой за пятый по величине инвестиционный банк Галактики.

И тут Киссур потряс Бемиша. Бывший первый министр империи Великого Света поглядел на Бемиша и спросил:

– А что, банки занимаются еще чем-то, кроме ростовщичества?

Бемиш помолчал. Потом осторожно справился:

– Киссур, вы знаете, что такое акция?

– Гм, – сказал бывший министр, – это когда дают в долг?

Бемиш едва не поперхнулся.

– А что, нет?

– Когда дают в долг и выпускают при этом ценные бумаги, это называется облигацией.

– Ну вот я и говорю: это разве не одно и то же?

– Нет, – сказал Бемиш, – когда компания выпускает акции, то тот, кто покупает акцию, становится совладельцем компании и получает право голоса на собрании акционеров и дивиденды, размер которых зависит от того, как у компании идут дела. А когда компания выпускает облигации, это значит, что она просто занимает деньги в долг и тот, кто покупает облигации, будет иметь гарантированные выплаты вплоть до срока погашения займа, если компания, конечно, не разорится.

– Ой, как интересно, – сказал Киссур и, прищелкнув пальцами, закричал: – Хозяин! Где медузы?

Бемиш, который никогда не едал маринованных медуз и не испытывал большого к ним любопытства, искренне пожелал, чтобы медуз не оказалось. Но медузы, похожие на кучку разбитого плексигласа и обильно политые красным соусом, прибыли, и Киссур продолжал:

– И на какую же компанию вы нацелились?

– Компанию, которая получила концессию на строительство Ассалахского космодрома. Шестьдесят пять процентов капитала компании принадлежит государю, и поэтому по вашим законам ее возглавляет назначенный государем человек – министр финансов Шаваш.

Киссур, который смутно слыхал, что Шаваш возглавляет еще дюжину таких же компаний, включая одну, владевшую вторым по величине запасов (но сто восемнадцатым по рентабельности) урановым рудником Галактики, молча кивнул.

– И ты ее непременно купишь? – спросил Киссур.

– Это зависит от многих причин.

– А именно?

– Состояния, в котором находится стройка сейчас, состояния мирового рынка капитала к моменту выпуска эмиссии, размера эмиссии и формы ценных бумаг, шансов на размещение эмиссии, – понимаете, «Леннфельд и Тревис» может гарантировать эмиссию и получить прибыль от продажи ценных бумаг, а может случиться так, что цена после эмиссии упадет и весь убыток осядет на его же балансе. От формы ценных бумаг, наконец, – будут это акции, облигации, смешанные формы…

– Лучше облигации, – сказал Киссур.

– Почему?

– Ты же сам сказал, что если кто-то покупает акции, он покупает и компанию. А если кто-то через твои акции купит наш космодром? Лезут сюда, понимаете…

Бемиш слегка поперхнулся, но это можно было отнести на счет непривычного вкуса медузы.

– Расскажи мне об этой компании, – потребовал Киссур.

– Компания «Ассалах» была организована четыре года назад с целью строительства и промышленной эксплуатации космодрома общей посадочной площадью свыше двух тысяч гектаров, с возможностью последующего расширения. Под стройку были отчуждены около полторы тысячи гектаров общинных земель. Компания выпустила шестьсот сорок миллионов акций, номиналом в сто ваших ишевиков каждая. Шестьдесят пять процентов этих акций были оставлены за государством, еще пять – отданы менеджменту. Около семи процентов пошло на уплату общинникам. Люди общины, вместо денег за отчужденные земли, получили долю участия в будущей стройке. Пятнадцать процентов акций было размещено через внебиржевой рынок. Стройка шла очень быстро, акции котировались достаточно высоко, цена их на вторичном рынке ценных бумаг достигла трехсот ишевиков, или восемнадцати галактических денаров. Потом разразился скандал, связанный с воровством тогдашнего директора стройки, выяснилось, что построено втрое меньше планировавшегося, рынок рухнул, дирекцию арестовали чуть не в полном составе, рабочие разбежались и растащили все, что не украли директора, стройка закрылась сама собой и не открылась. Главой компании был назначен Шаваш, хотя я должен сказать, что он и раньше присутствовал в Совете Директоров.

– Все понятно, – сказал Киссур, – если Шаваш и раньше был в Совете Директоров, значит, это он поругался со своими коллегами и посадил их.

– Не знаю, – сказал Бемиш, – такие вещи, знаете ли, не пишут в проспектах эмиссий. Шаваш попытался организовать международную эмиссию и обратился в «Меррилл Робертс Дарнем». Дело было уже на мази, но потом инвесторы отказались подписываться на размещение.

– Почему?

– Потому что, – не без злорадства пояснил Бемиш, – в этот месяц в Чахаре случилось восстание, или то, что правительство сочло таковым, и некто Киссур во главе своих танков проехал, в частности, через производственные площади совместного предприятия по производству безалкогольных напитков, припечатав по дороге гусеницами одного из менеджеров по имени Роджер Чжу. И от этой поездки с ветерком ценные бумаги шести ваших предприятий,

прошедшие международный листинг, упали и набили себе шишку, а о новых выпусках даже разговаривать никто не хотел. Или вы об этом не знаете?

Киссур задумчиво покрутил головой.

– Чего-то в этом роде мне говорили, – сказал он. – Только ничего плохого я не вижу в том, что ваши акулы не стали есть нашего карася.

– Ваш карась не поумнеет, пока его не съедят.

Киссур поднял голову и задумчиво уставился на Бемиша. Челюсти его энергично двигались, управляясь с медузой так, словно это была не медуза, а по меньшей мере баранья кость.

– Неплохо сказано, финансист, – заметил Киссур, – по крайней мере, откровенно. А твоя компания – тоже строительная?

– Более или менее.

– Чего строит?

– Она выпускает автоматизированные двери для вагонов монорельсовой подземки.

Киссур задумался. Видно было, что он соображает, какое отношение имеют автоматизированные двери к Ассалахскому космодрому, и сообразить это было ему трудно.

– Она у тебя от отца? – спросил Киссур.

– Нет. Я ее купил год назад.

– Зачем?

– Чтобы использовать как инструмент для приобретения более крупной компании.

Это было еще более откровенное, и даже скандальное, заявление, чем про карася, но оно, скорее, заставило бы поморщиться чиновников Всегалактического резервного фонда, – а Киссур никак на него не отреагировал.

Киссур налил Бемишу пальмового вина, и они оба выпили кружечку, и вторую.

– Та к чем же ты особенный, а, президент? – вдруг заявил Киссур.

Бемиш помолчал. Он был не прочь заиметь в союзниках этого человека. Он видел, что тот довольно плохо относится ко всему, что связано с иномирцами и их деньгами, и он не мог предсказать реакции Киссура на его слова.

– Большинство президентов компаний, – проговорил Бемиш, – карабкаются по корпоративной лестнице, играют в гольф с себе равными и заставляют компанию оплачивать космические перелеты своих кошек. Меня не пустят играть с ними в гольф. Таких, как я, называют корпоративными налетчиками. Мы нарушаем правила игры. Мы покупаем компании и вышвыриваем неэффективный менеджмент. Мы покупаем компании на деньги других людей, а потом расплачиваемся с заимодавцами тем, что распродаем половину покупки.

Кареглазый красавец с резко вылепленными скулами и увязанными в пучок белокурыми волосами молча потягивал вино. То т факт, что Комиссия по ценным бумагам и рынкам капитала в настоящий момент в очередной раз обсуждала правомочность действий корпоративных налетчиков и что имя Теренса Бемиша часто упоминалось не в самом лестном ключе на тамошних слушаниях, его явно не интересовал. А может, сказанное иномирцем только поднимало его статус – хотя бы до статуса грабителя, например.

– Значит, – сказал Киссур, – Ассалахский космодром. Это в Чахаре, на границе со столичной областью… Отличный виноград растет в Ассалахе… А что, одной дырки в небо в Чахаре недостаточно?

– Нет, – сказал Бемиш, – одной дырки в небо оказалось маловато, к тому же дырка была временная и выстроена на болоте. В сезон дождей столица Чахара недоступна, словно тростниковая деревня в наводнение. Посадочные плиты цветут сырой плесенью, а корабли болтаются в космосе и предъявляют такие счета за неустойку, что на эти деньги, наверное, уже можно было построить десять космодромов или один дворец.

– Какой ужас! – изумился Киссур.

– Вы этого не знали?

– Я не лавочник, – оскорбился бывший первый министр империи, – чтобы знать такое. Каждый, кто интересуется такими вещами, начинает рано или поздно давать взятки или делать деньги.

Помолчал и прибавил:

– Та к ты был у Шаваша по поводу этой… дырки в небе? Сколько он у тебя попросил?

Бемиш хищно улыбнулся.

– Я не привык что-то давать руководству поглощаемых мной компаний, не считая пинка под зад. Ассалах выставлен на инвестиционный конкурс. Я выиграю этот конкурс – и все.

Карие глаза Киссура вонзились в сидевшего перед ним иномирца. «Что-то тут не то, – подумал Киссур. – Или этот человек боится признаться во взятке, или Шаваш задумал с ним лисью штуку. Кто-то из них обманывает меня, и кому-то из них я намажу глаза луком».

* * *

Бемиш уехал в неизвестном направлении.

Стивен Уэлси побрился, принял душ, позавтракал, приготовил необходимые бумаги и отправился к чиновнику по имени Ишмик, который был связан с государственным архивом, в каковом архиве хранилась, согласно законам империи, финансовая отчетность Ассалахской компании за прошлые годы.

У ворот, покрытых серебряными завитками и золотыми перьями, сидели на корточках и лущили земляные орешки два стражника.

– Это дом господина Ишмика? – спросил Уэлси, затормозив и высунувшись из машины.

– Ага, – сказал один из стражников.

Уэлси вылез из машины и ступил было на белую песчаную дорожку.

– А где подарки? – сказал стражник.

– Какие подарки? – изумился Уэлси.

– Подарки, чтобы мы доложили о вас господину Ишмику.

Уэлси залез обратно в машину, развернулся и уехал. Прошло минут пять. Стражники все так же сидели, луща земляные орешки, и задумчиво глядя на пустую дорогу.

– «О-кио» двести пятьдесят четвертый, – сказал один из стражников, – последняя модель.

– Какое невежество, – сказал другой. – Разве можно являться в дом высокопоставленного чиновника без подарков. Этот человек совсем несведущ в обычаях!

Следующий визит Уэлси нанес в земледельческую управу. Ему надо было выяснить точный статус крестьянских и государственных земель, отчужденных под летную площадь Ассалаха. Изученный им еще дома проспект эмиссии говорил о долгосрочной аренде с правом выкупа, и Уэлси должен был установить, произведен выкуп или нет. Пухлый чиновник долго мял в руках бумаги, даже пытался делать вид, что читает на языке чужаков, только документ держал вверх ногами.

– Почему бумага без подписи? – вдруг возгласил он, возвращая Уэлси лист.

– Но это же страница номер один! – сказал Уэлси. – Подпись есть на второй странице.

Чиновник нахохлился:

– А если первая страница – подложная?

– Вы что, прикажете мне лететь за подписью обратно на Землю? – раздраженно осведомился финансист. – Может, еще и билет оплатите?

Чиновник увидел, что это человек совсем невежественный, и постарался от него избавиться.

В третьей управе Уэлси едва успел войти в кабинет, где ему навстречу поднялся молодой, с пронзительно-умными глазами чиновник, как дверь растворилась вновь, и в комнату

шмыгнул курьер из консульства Церрины, с большой корзинкой в руках. Чиновник отчаянно взглянул на Уэлси, тот пробормотал: «Я подожду в коридоре», – и вышел. Через мгновение Уэлси услышал:

– Примите от меня этот пустяк и взгляните на меня оком милости.

Уэлси покачал головой и покинул управу.

* * *

Из кабачка Киссур потащил Бемиша к себе домой. Городская усадьба Киссура занимала добрых шесть гектаров земли недалеко от обиталища Шаваша. Над стенами черного камня посверкивали глазки телекамер, у главного входа теснились нищие в ожидании еды.

Усадьба состояла из главного дома и флигелей, вздымающих луковки крыш из ухоженной зелени сада; у мраморных колонн, обрамлявших ведущую к главному дому дорогу, десяток белокурых высокорослых парней наблюдали за дракой двух бойцовых кабанчиков. При каждом из парней был веерник, способный разнести на молекулы не только кабанчика, но и пол-усадьбы. Ношение оружия частными лицами было в империи строго-настрого запрещено.

Как выяснилось, Киссур привел Бемиша в дом обедать, а времяпровождение в кабачке считалось за закуску. Бемишу икнулось. Киссур предупредил своего гостя, чтобы тот не ходил на женскую половину, и пошел громогласно распоряжаться насчет фазанов.

Иномирец остался в одном из гостиных залов, с окнами, выходящими в сад, и стенами, затянутыми старинными шелками. Поверх ткани была развешана целая коллекция оружия: секира, выложенная перламутром и золотом;

простой боевой топор; мечи; у одной стрелы был кончик в крови.

Когда Киссур вернулся, Бемиш держал в руках тяжелое, с синей шишкой на конце копье. Киссур успел переодеться в домашнюю куртку, и за ним маячил белокурый соплеменник.

– Теренс, – сказал Киссур, – это мой названный брат Ханадар.

Бемиш поклонился Ханадару, а Ханадар поклонился Бемишу. Ханадар был жилист и крепок; с еле заметной военной хромотой и глазами сытого волка; лет ему было около пятидесяти.

– А по какому принципу составлена эта коллекция? – спросил Бемиш.

– Это оружие, из которого меня не убили, – ответил Киссур.

Он подошел и перенял копье из рук иномирца.

– В двух дневных переходах от Ассалаха начинаются горы, – сказал Ханадар, – и Киссура отрезали в этих горных лесах с тысячью людей, а у Харана – так звали того негодяя – было тысяч пятнадцать. Но пока Харан переминался на равнине, Киссур велел подрубить все деревья вдоль дороги, так, что они еле держались. И когда они углубились в лес, все деревья посыпались им на макушку, а мы зарезали тех, кто остался в живых. Впрочем, это было не такое уж легкое дело, и мне попортили шкуру, а Киссура чуть не убило вот этим копьем.

Ханадар замолчал.

– Теперь им глупо кого-то убивать, правда? – спросил Киссур, – веерник куда надежней.

Киссур размахнулся и бросил копье. Оно пролетело в раскрытое окно и воткнулось в расписной столб беседки, стоявшей метрах в пятидесяти от главного входа. Стражники у входа бросили кабанчиков и побежали к копью.

Копье пробило столб насквозь. Толщина столба была сантиметров тридцать.

* * *

Наевшись, Киссур потащил нового друга через реку, туда, где в лучах полуденного солнца сверкал и плавился Нижний Город, тысячелетнее обиталище ремесленников, лавочников и

воров, застроенное кривыми непроезжими улочками и перегороженное воротами, за которыми жители кварталов совместно оборонялись от бандитов, а иногда и от чиновников. С ними отправились Ханадар и еще двое охранников.

У реки оглушительно гомонил рынок: пахло жареной рыбой и свежей кровью, бабка с лицом, похожим на кусок высохшего имбиря, быстро и ловко общипывала петуха, и, проходя мимо разгружающегося воза с капустой, Бемиш нечаянно заметил под капустой небольшой ракетомет.

Чуть подальше народ теснился вокруг передвижного помоста, на котором разворачивалось представление.

– Пойдем, – вдруг затеребил Киссур иномирца, – это тебе обязательно надо увидеть.

Бемиш и Киссур пропихнулись поближе.

Почтенный старик в красном развевающемся платье с необыкновенным проворством изготовил две человеческие фигурки, – одну из глины, а другую из белого песчаного камня, положил их на помост и накрыл видавшей виды тряпкой. Провел руками, снял тряпку, – на месте глиняных фигурок вскочили двое юношей. Юноши стали отплясывать перед народом, и вскоре между ними и стариком завязался оживленный разговор.

– И о чем эта пьеса? – спросил Бемиш.

– Это представление на тему старой легенды, – объяснил Киссур. – Видишь ли, когда бог делал мир, он сделал двух людей, одного из глины, а другого из камня. Каждый из них знал столько же, сколько боги, но глиняный человек был простудушный и прямой, а железный – завистливый и хитрый. Однажды боги спохватились и подумали: «Люди ходят среди нас и, наверное, знают все, что мы знаем! Как бы это не навлекло на нас беду!»

Они позвали к себе железного человека и спросили: «Много ли ты знаешь?» И так как железный человек был хитер и скрытен, он на всякий случай ответил, что умен не более карася, который у него в корзинке. Боги прогнали его и позвали к себе глиняного человека и спросили, много ли он знает. «Все», – ответил простодушный глиняный человек. Боги подумали и вынули из него половину знания.

Теперь, когда Киссур разъяснил ему суть происходящего, Бемиш начал соображать, что происходит на сцене. Очень скоро ему стало ясно, что из человека, который наврал богам и знал столько же, сколько они, ничего хорошего не вышло. Человек этот строил всяческие каверзы, воровал звезды с неба, пристроил железного коня пахать за себя землю и попался на том, что, приняв образ бога, совокупился с его женой.

После этого бог в красных одеждах погнался за железным человеком с пучком розог, железный завизжал и кувыркнулся в раскрытый люк. Публика хохотала. Представление кончилось, и бог в красных одеждах стал обходить народ с тарелочкой.

Бемишу это народное творчество понравилось куда больше, чем утреннее представление на сюжет телесериала.

– Я правильно понял, что железный человек умер? – уточнил Бемиш.

– Нет. Он провалился под землю, и там родил детей и внуков. С той поры железные люди живут под землей и несут ответственность за всякие надземные несчастья. Это они подбивают духов гор на землетрясения и военачальников – на мятежи. Согласно легенде, в конце времен железные люди вылезут на землю во плоти, то есть в железе, отберут у людей землю, а у богов – жертвы, и вообще будут вытворять всякие безобразия.

– А второй акт будет? – спросил Бемиш. Ему хотелось посмотреть, как железные люди подбивают военачальников на мятежи.

– Всенепременно, – усмехнулся Киссур.

В этот момент бог с подносиком, на котором бренчали медяки, остановился перед ними, и Киссур, широко улыбаясь, положил на поднос две большие розовые бумажки с изображением журавля, а Ханадар прибавил еще одну. «Хвастуны», – подумал раздраженно Бемиш. Ему не

хотелось отставать от своих спутников, и он полез в бумажник. Крупных вейских денег там не оказалось, но в паспорте Бемиша лежали, на случай неприятностей, пять тысяч денаров, – иномирца предупреждали, что банкоматы в здешних местах водятся нечасто. Бемиш вынул две сотенных и положил на поднос.

Бог в рваном халатике взял серые, с радужной водяной каймой, денары Федерации, помахал ими в воздухе, весело объявил что-то толпе, – и разорвал на части. Бемиш тупо решил, что это фокус.

– Что он сказал? – спросил он Киссура.

– Что он не берет денег железных людей, – ответил Киссур.

Толпа как-то нехорошо и быстро расступилась, и спутники потащили Бемиша прочь: вслед иномирцу полетело несколько насмешек и гнилой помидор.

Через минуту они уже переходили сверкающую реку по лаковому пешеходному мосту, заставленному лавками. Бемишу было не очень приятно: у него в голове не укладывалось, почему человек, заработавший на представлении двадцать медяков, разорвал сумму в сто раз большую. Сам бы Бемиш никогда так не сделал.

– Он кто, этот фокусник, сумасшедший? – спросил Бемиш.

– Они этими представлениями завлекают людей, – сказал Киссур.

– Они – это кто?

– Ну, как сказать. По-вашему – оппозиция, а по-нашему – секта.

– Между оппозицией и сектой большая разница, – раздраженно сказал Бемиш. «Зачем я уехал на эту планету, – пронеслось в голове, – ну кто сказал, что парни из Федеральной Комиссии смогут что-то доказать в этой истории с акциями „Соколов, Соколов и Танака“? Купил и купил…»

– Разница, – согласился Киссур, – изрядная. Оппозиция – это то, что заседает в парламенте, а секта – это то, что висит на виселице.

– Да ты не беспокойся об этих деньгах, – сказал Ханадар. – Они мастера глаза отводить, он их наверняка ничуть не разорвал, а сейчас покупает на них водку местному отребью, потому что отребье хорошо верит представлениям, но еще лучше верит, когда его поят водкой.

А Киссур помолчал и добавил:

– Есть вещи, которые вы, иномирцы, не поймете на Вее. Вы не сможете никогда понять, почему этот старик называет ваш автомобиль мороком и почему при взгляде на ваши космические корабли вас называют железными бесами. Вы сможете учесть, сколько в наших горах меди, а как вы учтете этого старика?

– Мы его прекрасно учитываем, – сухо возразил Бемиш.

– Каким образом?

– В цене акций. В цене ваших акций, Киссур, которые стоят дешевле туалетной бумаги. Этот старик называется страновой риск.

* * *

Когда вечером злой и взъерошенный Уэлси вернулся в гостиницу, портье передал ему записку от Бемиша. Бемиш извещал, чтобы его не ждали вечером, потому что он улетел на рыбалку в Голубые Горы.

Бемиш отсутствовал всю неделю, а Уэлси обивал пороги государственных управ. Сделать элементарную вещь – получить доступ к вонючим развалинам космодрома или подписать бумаги, разрешающие ввезти на эту чертову планету необходимое для их оценки оборудование, – оказалось совершенно невозможно. Стивен заполнял и перезаполнял, он платил писцам и платил чиновникам.

В управе на улице Белых Облаков он сказал:

– Я буду вам очень благодарен, если вы подпишете эту бумагу.

– Хотелось бы узнать размеры вашей благодарности, – немедленно откликнулся чиновник.

В управе на улице Плодородных Долин его попросили заполнить все бумаги по-вейски. Уэлси нашел писца и все сделал. Чиновник просмотрел бумаги и сказал:

– Это запрещено: принимать от иномирцев бумаги, написанные не их собственной рукой.

– Слушайте, будьте милосердны! – сказал Уэлси.

– Милосердие – признак благородства, – важно согласился чиновник.

В управе на улице Осенних Листьев Уэлси грохнул по столу кулаком и завопил:

– А в тюрьму вы не опасаетесь угодить?

– В мире нашем, – возразил чиновник, – опасения сменяются покоем, и покой – опасениями, и один государь пребывает в безмятежном благополучии.

И попросил у Уэлси взятку в десять тысяч.

За шесть дней Уэлси позеленел. Контора Рональда Тревиса была не только пятым по величине, но и первым по скандальности инвестиционным банком Федерации Девятнадцати. Уэлси не был невинной институткой; он знал, как давать на избирательные компании, и знал, как объясняться по этому поводу в прокуратуре. Но он воистину не слыхал, чтобы чиновник Федерации, если сказать ему: «Я вам буду благодарен», – немедленно полюбопытствовал бы о размерах благодарности.

На седьмой день Уэлси заехал в компанию «Далко», представлявшую на Вее услуги транссвязи, и заказал разговор с Рональдом Тревисом. Человеком, которого одни называли некоронованным королем финансов Федерации Девятнадцати, а другие – некоронованным бандитом.

Уэлси пришлось провести в переговорной целый час. Обычный стационарный комм передавал слова Уэлси на орбиту, а для трансляции их через гипер требовался физический носитель; капсулу, выпущенную с одного узла транссвязи, ловили на другом, и время зависания между фразами обычно составляло две-три минуты. В данном случае оно составляло семь минут, и дело было, как подозревал Уэлси, вовсе не в отдаленном положении планеты Вея, а в монопольном положении компании «Далко», принадлежавшей непосредственно троюродному брату государя.

– Как дела? – Рональд Тревис сидел в своем офисе из стекла и керамобетона, вознесенном на триста метров над многоуровневыми улицами Сиднея.

– Никак, – сказал Уэлси, – за неделю я не подписал ни одной бумаги. Я семь раз приходил в центральный офис компании – там секретари не знают ничего, а кроме секретарей никого нет.

– А Теренс?

– Теренс Бемиш удит рыбу в Голубых Горах, – мстительно сказал Уэлси.

– Сколько они хотят взяток и кто?

– Не знаю, – сказал Уэлси, – здесь есть человек по имени Шаваш, министр финансов и местный Талейран, а по мнению некоторых – надежда просвещаемого народа. У меня такое впечатление, что эта самая надежда народа получила от компании под названием «Венко» огромную взятку, с тем чтобы ни один из серьезных конкурентов «Венко» просто не смог принять участия в конкурсе.

– Ты считаешь, что неприятности устраивает лично господин Шаваш?

– Да.

Уэлси не намеревался ограничиться одним «да», а хотел вывалить еще целую кучу слов, тем более что ответа все равно бы пришлось ждать семь минут, но сразу после «да» экран пошел синими полосами и потух, и сколько ни пытался Уэлси колдовать над ним, он не выжал из него ничего, кроме извинений насчет технических причин.

Уэлси возвращался в гостиницу по вечерним улицам, когда сзади послышался вой сирены. Полицейская машина прижала его к обочине. Стражник в желтой куртке – национальной полицейской одежде – и с оружием в руках выпрыгнул из машины и рванул с мясом дверь Уэлсиевой «эколожки» с водородным баком, похожим на распухший огурец.

– Документы!

– Да как вы… – начал иномирец, протягивая права.

Но стражник даже не обратил внимания на целлулоидный прямоугольник. Он перегнулся через Уэлси, схватил желтый чемоданчик, лежавший на соседнем сиденье, и поволок его из машины.

– Как вы смеете! – заверещал Уэлси.

Стражник отпихнул хама со звезд.

– Молчать! По личному приказанию господина министра!

Полицейская машина взвизгнула плохими покрышками и уехала.

Уэлси сидел в своем огурце на колесах, совершенно ошеломленный. Это была уже не мелкая взятка. Это… Объяснение было только одно: связь с Землей прервалась не случайно. За ним, по поручению Шаваша, следили. Разговор подслушали.

Для Стивена Уэлси это означало катастрофу.

Как уже сказано, он не был невинным мальчиком, и за эти несколько дней некоторое количество денег перешло из его рук в руки служащих империи. Если кое-где он не мог заполучить самой тривиальной информации, то кое-где, напротив, он заполучил информацию абсолютно конфиденциальную, – и часть этого конфиденциала обреталась в его портфеле. Эта информация вряд ли повредила бы чиновникам империи, но, о Господи, что она могла сделать с «Леннфельд и Тревис»!

С момента блистательного возвышения Рональда Тревиса «Леннфельдт и Тревис» входил в число самых высокодоходных, но не в число самых высокоморальных банков Галактики. Финансовый истеблишмент использовал любой повод, чтобы окоротить «этих бандитов», управляющие компаний, гибнущих под срежиссированными «Эл-Ти» враждебными захватами, жаловались на подслушивающие устройства и прямой подкуп сотрудников, двое из внутреннего круга клиентов Тревиса сидели в тюрьме: один – за инсайдерскую торговлю, другой – за скверную историю с парковкой акций.

Собственно, Теренсу Бемишу, молодому и перспективному выскочке, поддерживаемому Тревисом, в Комиссии по Ценным Бумагам дали понять, что его присутствие на цивилизованных рынках капитала несколько нежелательно, и именно поэтому Бемиш явился на Вею. Уж тут-то, в этой стране денационализируемого капитала, была масса плохо управляемых компаний и никаких биржевых правил.

И вот теперь органы Федерации имели все шансы шваркнуть мордой об стол и Теренса Бемиша, и Рональда Тревиса, и самого Уэлси, и все это благодаря головотяпству Уэлси! Будущее представлялось молодому банкиру в самом черном свете. Тревис вышвыривал за порог и за меньшие грехи, а финансиста, которого вышвырнул даже Тревис, могли в лучшем случае принять кассиром в супермаркет.

Уэлси медленно доехал до ближайшей судебной управы, отпихнул испуганного стражника и прошел в кабинет к начальнику.

– Меня зовут Стивен Уэлси, – сказал он, – я представитель инвестиционного банка «Леннфельдт и Тревис» и прилетел из Сиднея для помощи клиенту, участвующему в инвестиционном конкурсе. Только что меня остановил полицейский автомобиль под номером 34-29-57, стражники забрали документы и скрылись. Вероятно, это недоразумение. Я надеюсь, что бумаги будут возвращены мне в течение трех часов, в противном случае оставляю за собой полную свободу действий.

Молодой полицейский чиновник испуганно сощурился на иномирца, побежал в соседнюю комнату и зашарил по клавиатуре.

– Номер 34-29-57? – наконец сказал он. – Это ошибка. В полиции нет машины под таким номером. Собственно говоря, машины под таким номером нет вообще.

* * *

Уэлси вернулся в гостиницу через три часа в самом мерзком настроении. Если он нуждался в каких-то окончательных доказательствах, что в этом государстве нет никакого закона, то он их получил. Он промыл губу, разбитую об острый кулак полицейского или лжеполицейского, раскрыл чемодан и стал швырять в него как попало вещи. Он позвонил в космопорт, узнал, что ближайший рейс на Землю через одиннадцать часов, и заказал билет.

Через пятнадцать минут чемодан был упакован. Уэлси посмотрел на часы: до посадки оставалось еще десять с половиной часов. Космопорт находился в трех часах лету. Уэлси пожал плечами, подошел к занавешенному окну, откинул занавес и стал глядеть вниз. Слава богу, утром он покинет эту планету! Страна негодяев! Взяточников! Бездельников! О Господи, зачем он дал тому, лупоглазому, из восьмой управы, пять тысяч? Теперь, если Шаваш арестует Уэлси, он велит тому сказать, что взятка была в сто тысяч и что чиновник обещался… Ох!

Площадь перед гостиницей была ярко освещена. Напротив, чуть внизу, стоял изящный восьмиколонный храм. Перед храмом были разбиты цветники, и спрятанные среди цветов прожекторы били прямо в храм, освещая снизу мраморные колонны и репчатые завитки крыш, рассыпаясь в далеком фонтане посреди храмового дворика, соперничая с крупными спелыми звездами. «Какая красота», – вдруг подумал Уэлси.

В этот миг в дальнем конце площади появилась машина. Она проехалась по кромке цветника, раздавила один из прожекторов, вильнула по полосе встречного движения и остановилась у стеклянной подковы подъезда, внизу. Останавливаясь, она въехала в стоявший впереди лимузин, но несильно, сантиметров на десять. Уэлси вылупил глаза.

Дверца машины открылась, и из нее высадился Бемиш. Два швейцара побежали к нему из подъезда. Бемиш шагнул сначала вправо, а потом влево. Засим он поднял голову и, качаясь, стал созерцать освещенный вход. Вздохнул и – сел на тротуар. Даже с двадцать четвертого этажа было видно, что Бемиш пьян в стельку.

Уэлси пожал плечами и пошел вниз.

Когда он высадился из лифта, навстречу ему два швейцара уже почтительно вели под руки Бемиша. Бемиш упирался и уверял, что он совершенно трезв. Он порывался петь и приглашал обоих швейцаров на рыбалку в Голубые Горы. Швейцары молча и сосредоточенно тащили его по ковровой дорожке. Возможно, они плохо понимали человека со звезд. Возможно, они привыкли к таким сценам.

Уэлси почувствовал, что краснеет. Бемиш, на его глазах, ронял в грязь высокое звание пришельца со звезд и светоча цивилизации. Уэлси шагнул навстречу, схватил Бемиша за галстук и поволок его, со швейцарами, в лифт. Бемиш пучил глаза и разевал рот, как певица, у которой отключили фонограмму.

Когда, в номере, Уэлси швырнул Бемиша на диван, тот пьяно помотал пальцем и сказал:

– Сюрприз.

И заснул. Свинья. Пьяная свинья.

Уэлси содрал с него штаны и пиджак, повесил на стул и пошел вон. Пиджак был слишком тяжел: стул опрокинулся, и пиджак грохнулся на пол. Уэлси вернулся и поднял пиджак, чтобы повесить его обратно. Внутренний карман пиджака был набит скомканными бумагами. Уэлси вытащил бумаги и развернул их. Это были те самые прошения и доверенности, которые три часа назад отобрала у него полиция в желтых куртках. Уэлси перелистал их и убедился, что на

всех бумагах стоят подписи нужных чиновников. Более того: там стояли даже личные печати, что было уже совсем невероятно.

Уэлси спустился на лифте вниз. Он осмотрел машину Бемиша и нашел в багажнике отобранный у него давеча желтый чемоданчик. Кроме чемоданчика, в багажнике почему-то лежал жареный баран. Во рту баран держал толстое золотое кольцо. Под бараном имелось серебряное блюдо.

Уэлси поднялся наверх и положил обретенные бумаги в обретенный же чемоданчик. Он позвонил в космопорт и отменил бронь. Он позвал мальчишку-швейцара, и они втащили наверх барана, кольцо и блюдо.

Остаток ночи Уэлси провел у окна в своем номере, глядя на розовый восьмиколонный храм, задумчиво жуя кусок жареной бараньей ноги и запивая баранину отвратительно теплой газированной водой.

* * *

Самое замечательное во всем происшедшем было то, что Бемиш тоже не мог вспомнить, как, собственно, случились подписи. Он отлично помнил храм в двухстах километрах от столицы, куда они поехали с Киссуром в первый день, и поместье Ханадара Сушеного Финика, недалеко от храма. В поместье развлекались: сначала оружием, потом едой, а потом девочками. Ханадар и Киссур на спор сшибали друг у друга персик на голове сначала из лука, а потом из пистолета. Фокус состоял в том, чтобы попасть в косточку. Стрелять из лука Бемиш решительно отказался, и, чтобы подтвердить свое мужское достоинство, ему пришлось выдержать страшную драку с жилистым и сильным, как паровой пресс, Ханадаром.

Ханадар Сушеный Финик был человек в своем роде замечательный – это был один из самых храбрых командиров Киссура и один из самых лучших поэтов империи.

Во время гражданской войны награбил он огромные деньги, которые, впрочем, не менее быстро прокутил, после чего стал искать, откуда бы взять новых. Решено было заняться пиратством, и Ханадар отбил у контрабандистов космическую шлюпку. Шлюпка была приспособлена скорее для бегства, чем для атак, но Ханадар рассудил, что трусливые собаки со звезд не будут особенно разбирать, если от них потребуют очистить карманы. К несчастью, с фотонным реактором Ханадар управлялся хуже, чем с харранским мечом, и дело кончилось тем, что после второго рейда новоявленная пиратская посудина прорыла в земле канаву глубиной три метра и к дальнейшим полетам оказалась непригодной.

А помогать Вее было тогда страшно модно, и Ханадару за исполненные дикой прелести песни чуть не дали Нобелевскую премию по литературе. И вот информационные агентства распространяют в один день два сообщения: одно о том, что кандидатура вейского поэта Ханадара обсуждается на Нобелевку, а другое о том, что некто по имени Ханадар разыскивается за ограбление трансгалактического лайнера «Меконг». Та к Ханадару не дали премии первый раз.

После этого Ханадар стал наместником Аракки и щедро раздавал народу деньги, а предпринимателям – налоговые льготы. Деньги были казенные и скоро кончились, а так как льгот было много, то деньги не возобновились. Ханадар попросил денег у местного полиметаллического комбината, хозяином которого был иномирец. Иномирец дал ему раз, и другой, а потом обиделся, после чего любящий наместника народ громил цеха комбината.

А в это время опять подошел срок Нобелевки, и вот информационные агентства распространяют в один день два сообщения: одно – что вейский поэт Ханадар рассматривается как кандидат на Нобелевскую премию по литературе, и другое – что наместник Ханадар, возбудив толпу, учинил компании GalaMet убыток на три миллиарда денаров. И вот Ханадару не дали премии во второй раз.

После этого государь удалил Ханадара из наместников за самоуправство, и тот мирно зажил в подаренном ему поместье близ реки Шечен, что в Иниссе. И надо же было случиться такому, чтобы глава торгового представительства планеты Гера купил себе усадьбу в этом же районе.

И вот проходит еще один год – и торгпред Геры подает на Ханадара в суд за то, что тот буянил на его земле и сжег принадлежащую ему свиноферму. И Ханадар приходит в суд и просит судью подать ему ножичек для резки бумаги. Судья подает ему этот ножичек, и Ханадар в присутствии заседателей бросается с ножичком на торгпреда. И торгпред убегает со двора, где происходит суд, и больше на возвращается. И так как речь идет о частном обвинении, то за отсутствием обвинителя судья прекращает дело, а Ханадар, таким образом, экономит на взятке.

А в это время опять подходит срок Нобелевки, и информационные агентства распространяют сразу две новости: одна – что знаменитый вейский поэт Ханадар рассматривается в качестве кандидатуры на Нобелевку, и другая – что Ханадар мало что не зарезал в суде предъявившего ему иск представителя цивилизованной нации.

Так-то Ханадар и остался без своей Нобелевки, но это старая история, а мы возвращаемся к Теренсу Бемишу.

На следующий день Ханадар, Киссур, Бемиш и еще двое слуг улетели в Голубые Горы. Били острогой больших белых рыб и дрались друг с другом на кулачках. Было много солнца и веселья. Возле малинового шатра с серебряными колышками блестел стрекозиными крыльями флайер, к вечеру рабы привели из долины трех лошадей. Та к продолжалось четыре дня.

Ханадар спросил Бемиша, что привело его в Страну Великого Света, и Бемиш объяснил ему то же, что и Киссуру. Ханадар Сушеный Финик сказал, что чужеземец утонет в бумагах, и Киссур сказал, что делу надо помочь.

Через три дня вернулись в загородный дворец Киссура: там уже толклись первые приглашенные. Киссур познакомил Бемиша с главой казначейства, и с министром полиции, и еще со многими уважаемыми людьми. Шаваш тоже был там. Глава казначейства сказал Бемишу, что его, главы казначейства, друг видел друга Бемиша, Уэлси, и что это человек величайшей честности и справедливый. Министр полиции сказал господину Бемишу, что отныне все счастие его жизни будет состоять в том, чтобы делать так, как скажет господин Бемиш. Министр внешней торговли пригласил Бемиша в свой особняк и сказал, что он постелет под колеса его автомобиля инисский ковер.

Бемиш не помнил, как конкретно зашла речь о подписях. К этому времени верхушка государства была пьяна, а иномирец еще пьяней. Министр полиции позвал секретаря и велел немедленно отыскать человека по имени Уэлси, взять у него бумаги и привезти их сюда. Секретарь, наверное, был тоже пьян и вдобавок имел при себе девицу, которая лизала ему ухо. Через час бумаги были в руках Бемиша.

Дальше Бемиш помнил совсем плохо. Помнил, как с потолка сыпались розы, как какая-то девица прыгала через золотое кольцо, увитое горящей бумагой, как купались с девицами в большом пруду, как одну из девиц он с кем-то не поделил, убей бог, как можно было не поделить девицу, когда их было на каждого по две штуки? А потом он обиделся на Уэлси. Это он помнил очень хорошо, как он обиделся на Уэлси. Пуританин! Свинья! Грубо отдал секретарю документы, а сам приехать отказался.

Бемиш решил, что съездит в гостиницу и привезет Уэлси. Его, кажется, не пускали. Но Бемиш их перехитрил: продрался сквозь виноградник, сел в машину и поехал за банкиром. Да, документы у него уже были с собой, он даже точно знал, что они подписаны.

Но кто добывал подписи? Убей бог, не упомнить! Кажется, Киссур и добывал: он был трезвее других и хоть и пил, но не пьянел. Или… Нет, не Киссур, а Шаваш: Шаваш, мягко

улыбаясь, подсовывал казначею лист, а Киссур в это время с диким мяуканьем рубил на спор мечом какую-то тряпку.

* * *

Бемиш плескался под душем, когда в дверь постучали. Уэлси открыл: за дверью стояла большая корзина, а из-за нее выглядывал посыльный в желтом кафтанчике.

– Подарки от господина Шаинны для господина Бемиша, – возгласил он, сгрузил корзину и был таков.

Уэлси понес корзину в номер, но не успел водрузить ее на стол, как опять послышался стук. Уэлси открыл: новый посыльный был в синем кафтанчике и имел при себе не корзину, а увитый лентами короб.

– Пусть господин Бемиш примет эти пустяки от господина Раника и в душе его откроется дверца в рай, – сказал посыльный.

Уэлси поставил короб на кровать и заметил, что из корзины что-то течет. Он поспешил к корзине. В этот момент Бемиш, мокрый и грустный с похмелья, выглянул из душа. Запищал комм, и тут же постучали в дверь.

– Войдите, – сказал Бемиш и включил связь.

– Господин Бемиш, – раздался мягкий, ласковый голос, – это говорит Шаваш, министр финансов. Я был бы счастлив, если бы вы смогли навестить меня в два часа пополудни.

– Разумеется, – сказал Бемиш.

Дверь растворилась.

– Познакомьтесь, Уэлси, – проговорил Бемиш, – это Киссур. А это Уэлси. Как я вам уже говорил, он представляет инвестиционный банк «Леннфельд и Тревис».

Киссур и Уэлси поглядели друг на друга. Киссур увидел тощего молодого иномирца, с лицом круглым и белым, как таблетка от головной боли. Уэлси увидел кареглазого нахала, лет тридцати с небольшим, с круглым пучком волос на голове и с настоящей золотой цепью на шее, спускавшейся до самого ремня узких, застиранных джинсов. В раскрытом вороте рубашки виднелась татуировка: какая-то хищная птица, пересеченная розовым шрамом. Уэлси потом уже узнал, что птица эта была кречет и что такая татуировка – старый обычай варваров-аломов. Если военачальнику отрубят в битве голову, да еще и разденут – как иначе опознать тело?

Киссур посмотрел на Уэлси и сказал:

– Слушай, Теренс, ты хочешь купить космодром, а эта белуга что тут делает?

– Я же объяснял, – проговорил Бемиш. – У меня нет денег. Банк соберет для меня деньги.

– Даст в долг?

– Выступит андеррайтером облигаций.

Киссур призадумался, а потом спросил:

– А какой процент требуют с тебя эти ростовщики?

– Облигации будут шестнадцатипроцентные.

– Почему так дорого? – возмутился Киссур.

– Потому что они ничем не обеспечены, – подал голос Уэлси, – если компания разорится, ей нечего будет продавать, чтобы заплатить кредиторам.

– А ты молчи, гнида – обернулся Киссур, – тебя не спрашивают. По законам государя Иршахчана ростовщиков варили в масле, а Золотой Государь запрещал брать больше, чем три процента!

– А какая при Золотом Государе была инфляция? – полюбопытствовал Уэлси.

– Не знаю я, что это за штука инфляция, – объявил Киссур, – а только знаю, что первого же чиновника, который захотел бы ее устроить, Золотой Государь повесил бы так высоко, что другим сразу бы неповадно стало.

Молодой банкир потрясенно молчал.

– Ну что, поехали? – сказал Киссур Бемишу.

– А Стивен?

– Я, пожалуй, пойду посплю, – нервно проговорил Уэлси, которому не хотелось углубляться с Киссуром в дальнейшую дискуссию о рынках капитала.

Через мгновение Киссур и Бемиш были уже внизу, разминувшись по пути с новой корзиной подарков.

Они сели в машину, и Киссур сунул Бемишу в руки бриллиантовое ожерелье. Бемиш обомлел:

– Ты что?!

– Мы, – сказал Киссур, – едем к господину Шаинне. Человек сделал тебе любезность – надо же его отблагодарить.

– Но… – начал Бемиш.

Через полчаса приехали в усадьбу Шаинны и отдали ему ожерелье.

Усадьба Шаинны располагался совсем неподалеку от стены государева дворца. Стена была огромная и толстая, на вершине ее стояли деревянные посеребренные гуси и, наклонив голову, с неодобрением смотрели вниз. Раскрытые ворота посреди стены дышали прохладой, как колодец, и все пространство перед ними было забито разноцветными автомобилями.

– Ворота Варваров, – сказал Киссур.

– А?

– В древности у дворца было четверо ворот на каждую сторону света. Ворота Торжественного Выхода Императора, Ворота Чиновников, Ворота Простолюдинов и Ворота Варваров. Через Ворота Варваров во дворец входили глупые вожди в набедренных повязках, незнакомые с грамотой. Когда мне было десять лет, меня тоже привели во дворец через Ворота Варваров, и все мои товарищи дразнили меня и смеялись над этим.

Киссур помолчал.

– Сейчас через Ворота Варваров во дворец ходят иномирцы.

Машина их медленно ползла мимо пестрой толпы автомобилей.

– А как нынешний государь? Что он ощутил, когда война окончилась благодаря нашему вмешательству? – спросил Бемиш.

– Ничтожный подданный не смеет судить о мыслях государя, – ответил Киссур.

Бемиш даже подпрыгнул.

– А ты?

– Я был очень впечатлен, – помедлив, ответил Киссур.

Бемиш не сдержал улыбки, вспомнив, как в первый же день своего знакомства с людьми со звезд Киссур обругал их стервятниками, угнал штурмовик и учинил побоище в лагере мятежников, чем, собственно, и закончил гражданскую войну.

– Чем? Нашим оружием?

– Нет, ваше оружие меня не очень-то поразило. Я подумал, что пройдет шесть месяцев, и государь купит себе такое же, ну, постарше и подешевле. А потом я увидел домики, в которых живут ваши простолюдины, и повозки, в которых они ездят, и подумал, что вряд ли государь купит нашему народу такие же домики и машины и через шесть месяцев, и через шестьдесят.

– И тебя ничто не шокировало? – спросил Бемиш. – Массовая культура, реклама эта дурацкая… Многие говорят, что у Федерации Девятнадцати слишком много имущества и слишком мало бытия. Ставят в пример Вею.

– Если кто недоволен, – пусть приезжают. Я их пошлю в мои инисские рудники и устрою им… много бытия.

Усмехнулся и добавил:

– А сейчас, Теренс, до свидания. Мне надо во дворец, да и тебе пора к Шавашу.

* * *

Точно в назначенное время Бемиш показался у министра финансов.

Шаваш принял иномирца в Стеклянном Павильоне. Он был в строгом коричневом костюме с безупречной манишкой, и когда он вышел из-за стола, чтобы пожать Бемишу руку, на иномирца приятно пахнуло свежим дезодорантом. Вежливый слуга разлил в фарфоровые чашечки чай и скрылся за автоматически схлопнувшимися дверями.

– Я чрезвычайно вам благодарен, – сказал Бемиш, – что вы вчера подписали все эти документы и согласились мне помочь…

Шаваш мягко улыбнулся:

– Помилуйте, при дворе только и разговоров, что о вашем необыкновенном успехе. Разве может такой ничтожный человек, как я, оказать вам какую-либо помощь?

Бемиш опустил глаза. Они сидели за стеклянным столом, формой напоминавшим каплю, и одним мановением руки поверхность стола превращалась в экран или платформу для «трехмерки». Впрочем, сейчас на столе стояли только фарфоровые чашечки с чуть красноватым, приятно пахнущим чаем; Теренсу казалось, что он вернулся домой.

– А вы с Киссуром старые друзья?

– Мы встретились впервые перед самым концом гражданской войны.

– Где?

– В поединке, – спокойно сказал Шаваш. – Киссур кинулся на меня с мечом, а я выстрелил в него из револьвера.

Бемиш подумал и изумился.

– Как из револьвера? Ведь Федерация тогда еще не…

– Долгая история, – махнул рукой Шаваш, – а револьвер был самодельный…

– И что дальше?

– Я почти промахнулся, а товарищи Киссура набросились на меня и стали меня учить, как надо драться в поединках. Потом привязали к веревке и протащили через весь город. Сломали позвоночник, ребра… Вскоре явились иномирцы и умудрились меня вылечить. С тех пор я немного хромаю. Да вот и рука…

Тут Бемиш заметил, что Шаваш держит чашку левой рукой, а ладошка правой как-то ссохлась и пальцы чуть скрючены.

– А из-за чего вы дрались?

– Из-за женщины. Госпожа Идари, жена Киссура, была моей невестой до того, как Киссур стал первым министром, а я – пылью у дороги. Киссур арестовал человека, которому я был обязан карьерой, и получил его должность и мою невесту.

Шаваш вдруг проследил взгляд Бемиша и убрал под стол правую руку, но стол был прозрачный – Бемиш видел, как задрожали скрюченные пальцы.

– А сейчас мы женаты на сестрах. Моя главная жена – младшая сестра госпожи Идари.

«Зачем он мне все это рассказывает?» – ужаснулся Бемиш.

Шаваш допил свою чашечку и внезапно, поколебавшись, сказал:

– Господин Бемиш! Считаю дружеским долгом предупредить вас. Киссур – любимец государя. Помешать он может легко, помочь – редко. Многие ненавидят Киссура за то, что он Киссур. За то, что Киссур презирает взяточников и предпринимателей, а сам живет подарками государя. За то, что Киссур и по сей день считает, что нет выгоды позорней торгового барыша. За то, что он бесплатно кормит народ, а сектанты и еретики называют его новым воплощением государя Иршахчана. Господин Инада обещал подстелить под колеса вашего автомобиля инисский ковер, когда друг Киссура приедет к нему в усадьбу… Господин Инада постелит под ваши колеса инисский ковер, а под инисский ковер он положит пластиковую мину. Чиновники

будут подписывать вам документы, а за спиной делать вам гадости. Киссур расхвалит вас государю, – это значит, что государю докажут, что Киссур ошибается. Мой вам совет: держитесь от него подальше.

Бемиш закусил губу.

– Господин Шаваш, – сказал он, – я позволю вам напомнить, что если моя компания окажется заинтересованной в покупке Ассалаха, мы можем просто его купить на открытом аукционе. И я гарантирую, что я дам цену большую, чем «Венко», и что меня и тем более Рональда Тревиса не удастся выкинуть с аукциона якобы из-за несоблюдения норм. Что же касается разрешения на изучение финансовой документации, то я уверен, что, если бы не Киссур, я добывал бы его еще два года, и после взгляда на эту документацию я, кажется, понимаю почему. Кстати, мой вам совет: когда подделываете отчетность, обращайте внимание на второстепенные показатели. Так, знаете ли, не бывает, чтобы темпы строительства возросли на триста процентов, а энергопотребление осталось на прежнем уровне.

Чиновник помолчал, потом прикрыл глаза.

– Да, конечно. До свидания, господин Бемиш. Желаю удачи.

* * *

Едва машина Бемиша выехала из ворот усадьбы и свернула направо, как мимо него, в миллиметре, скользнул белый и длинный, как осетр, лимузин. Из окна высунулся Киссур и помахал рукой. Водитель волей-неволей шарахнулся к обочине. Они вылезли из машин и обнялись.

– Поехали кататься, – потребовал Киссур.

Бемиш велел водителю быть завтра с утра и сел рядом с Киссуром.

– Тут поблизости есть отменный кабачок, – сказал Киссур, – заедем.

Кабачок был низенький и сырой, посередине восьмиугольного дворика плескался фонтан. У фонтана стоял плоский плящущий бог с мужским членом непомерных размеров и с четырьмя грудями. Бог был в общем-то голый, если не считать огромного рекламного листа, обклеившего его с четырех сторон. Реклама призывала покупать «трехмерки» фирмы «Коруна».

Расторопный хозяин подлетел к Киссуру и поставил перед посетителями отличного зажаренного гуся, политого лимонным соком и с золотистой корочкой, и кувшин пальмового вина. Киссур заметил, что Бемиш таращится на бога, и спросил хозяина:

– Тебе сколько заплатили за рекламу?

– Две.

– Вот тебе четыре, иди и соскобли мерзость.

Бемиш опустил глаза. После вчерашней попойки он чувствовал себя скверно: глаза бы не смотрели на этого гуся! И потом, что делать? Бемиш понимал, что под чиновниками, ненавидящими Киссура, Шаваш имел в виду прежде всего себя, – затем и рассказал ему про невесту и про сухую руку… Сказать Киссуру, что свояк его ненавидит? Но они друзья. Подумают – приехал иномирец, порыбачил с Киссуром и тут же затеял ссорить его со свояком. Не сказать? А вдруг Киссур думает, что Шаваш – его друг, и рано или поздно попадется в ловушку?

Хотя вряд ли Киссур такая простая душа. Бемиш помнил, как даже сквозь пьяный угар на пирушке его поразила одна из песен Ханадара про битву с народом аколь. Король тамошнего племени направил своего брата и других высокопоставленных военачальников к Киссуру с просьбой не нападать на племя. Киссур сказал: «Так и быть», – и одарил послов сверх всякой меры, принятой в подобных случаях. Те, конечно, не могли отказаться от подарков, не поссорившись с могущественным полководцем империи. Вот они вернулись к королю, а Киссур послал им письма и сделал так, чтобы эти письма были перехвачены королем. В письмах

Киссур напоминал, что обещался не трогать их землю в обмен на голову их короля, и спрашивал, когда они выполнят свою часть уговора. А богатые подарки были представлены взяткой за короля. Король, натурально, приказал зарезать и брата и военачальников, обезглавив тем самым войско и возбудив недовольство племени. А уж после этого Киссур разбил его за два дня.

И хотя все сходились в том, что по части подобных проделок Киссур далеко уступал покойнику Арфарре, – на несмышленую овечку этот парень не тянул.

А белокурый великан тем временем разлил вино в чашки, накрыл их лаковыми крышками, сквозь которые было продето по соломинке, и протянул чашку Бемишу.

– Ты за рулем, – напомнил Бемиш.

Киссур невозмутимо взялся за соломинку и, как показалось Бемишу, в минуту выдул все вино. Во всяком случае, он тут же открыл чашку и стал наливать еще.

– Что ты такой грустный? – спросил Киссур. – Шаваш стребовал с тебя слишком большую взятку?

– Нет. Я просто никогда не бывал в такой ситуации. Я не знаю, как себя вести.

– Ты ведешь себя отлично, – рассмеялся Киссур, – ты уже наказал Шаваша на шесть миллионов.

– Что? – изумился Бемиш.

– А ты не знал? Компания «Венко» дала Шавашу шесть миллионов, чтобы космодром достался именно ей. А теперь Шаваш, как честный человек, должен будет эти деньги возвратить.

– Этого не может быть, – сказал Бемиш, – конкурс решает больше взятки.

– Откуда ты знаешь, что все зависит от конкурса?

– Я прилетел сюда, – сухо сказал Бемиш, – только потому, что конкурс на покупку Ассалаха организован в рамках программы, которая называется ACEAT. Это государственная программа Федерации Девятнадцати, действующая на развивающихся рынках. По правде говоря, все эти федеральные консультанты – бездельники и болваны, и если бы ваши власти устроили конкурс между своими, они бы закрыли на это глаза. Но если на конкурс придет нормальная компания, которая хочет заплатить много денег, а ее не пустят, то будет скандал. Все эти консультанты не допустят скандала. Иначе они потеряют работу. Не думаю, что Шаваш на него пойдет. Я встречался еще в Сиднее с представителями других компаний, и они без труда получили разрешение на участие в конкурсе.

– А ты?

Бемиш чуть смутился.

– Пока нет, но это не страшно. Это просто маленькие чиновники хотели маленьких подарков.

– Дело не в подарках, – сказал Киссур. – Может, на конкурсе и победит тот, кто больше заплатит: вот только «Венко» заплатила Шавашу шесть миллионов, чтобы ни одна компания, способная по-настоящему составить ей конкуренцию, не смогла участвовать в конкурсе. Шаваш очень боится этого вашего – Тревиса. Тревожится, что Тревис сожрет его с потрохами.

«Глупости, – подумал Бемиш. – Откуда это „Венко“, маленькая и не очень известная компания, могла наскрести такую взятку? И зачем? Местная мифология плюс бульварная пресса».

– Я уверен, – сказал Бемиш, – что все не так, как ты говоришь.

Киссур расхохотался и замахал руками.

– Так! Так! Шаваш уже начал кушать эти шесть миллионов, и вдруг – бац! Компания достается тебе!

И Киссур захохотал, явно довольный неудачей Шаваша.

– Погоди, – возмутился Бемиш, – во-первых, она мне еще не досталась. Во-вторых…

Бемиш хотел сказать, что, во-вторых, ему не очень-то хотелось бы ссориться с Шавашем…

– Но ты выиграешь конкурс!

– Если моя цена будет наилучшей.

Тут Киссур полез в карман и вытащил вдруг, к изумлению Бемиша, небольшую белую коробочку.

– Это что такое? – спросил Бемиш.

– Плазменная мина, – ответил Киссур, несколько даже обидевшись, что иномирец не видал вблизи столь обыденного изобретения собственной цивилизации.

– Что?! Зачем?

– Как зачем? Мы положим ее под дверь представителю «Венко», и если он после этого не уберется с планеты, мы положим эту штуку ему под подушку!

Бемиш оторопел на несколько секунд, а потом сухо сказал:

– Я не буду этого делать.

– Почему? Боишься, что заметут?

– Слушай, Киссур, – спросил иномирец, – а правда, что во время вашей войны ты дрался в поединке, перед строем, с вражескими командирами?

– Ну.

– А почему, сражаясь в поединке, ты не приказывал оруженосцу пристрелить противника из лука?

– Ты что за чушь несешь? – изумился Киссур. – У меня бы все войско от такой подлости разбежалось.

– Значит, дело было только в войске?

Киссур потупился. Дело было, конечно, не только в войске.

Бемиш вздохнул:

– Знаешь, Киссур, мы росли в разных мирах, и если бы я был полководцем, я не стал бы драться в поединке перед строем. Но когда я участвую в инвестиционном конкурсе, я не стану подкладывать конкуренту мину. Есть приличия, которые нарушать нельзя.

– Мне всегда казалось, – сказал Киссур, – что когда дело идет о деньгах, нет никаких приличий.

– У вас, может, и нет, – сказал Бемиш. – А у нас есть.

Киссур сунул мину обратно в карман, непринужденно, словно пачку сигарет.

Глава третья, в которой Киссур обличает перед императором чужестранного взяточника, а Теренс Бемиш получает в подарок роскошную усадьбу

Утром следующего дня Киссур отчаянно заскучал. Он позвонил было Бемишу, но Бемиш где-то носился задрав хвост. Можно было его разыскать, но зачем? Человек ходит по кабинетам, это шлюху можно пользовать вдвоем, а взятку чиновнику надо давать с глазу на глаз, зачем Бемишу такой свидетель, как Киссур?

Киссур побил ни с того ни с сего слугу – ну, собственно, не побил, а так, толкнул, только слуга налетел на бронзовую вазу и сильно вазой ушибся, позавтракал гусем и пирожками с маринованной печенкой и пошел в кабак, а оттуда – к гадалкам. Но проклятые гадалки все знали рожу государева любимца, и ничего интересного Киссур не услышал.

В конце концов Киссур вернулся домой, разделся и нырнул в огромный, выложенный нитевидным чахарским мрамором пруд, окруженный цветущими деревьями и с алтарем в Западной Беседке, нависшей над водой.

Киссур лениво плавал в пруду, когда за резной решеткой вдалеке прошуршала машина. Хлопнула дверца, загалдели охранники, – но потом, видимо, они решили, что вреда от посетителя не будет, – и Киссур услышал его шаги на садовой дорожке.

Киссур нырнул. Когда он вынырнул, на мраморной кромке пруда стояли начищенные до блеска кожаные туфли. Выше начинались превосходно сшитые серые брюки.

– О'кей, сколько вы хотите?

Киссур поднял голову – перед ним стоял незнакомый иномирец с лицом круглым и красным, как сигнал светофора. Глаза иномирца были безумны, и подбородок воинственно выставлен вперед.

– Сколько вам нужно? – повторил иномирец.

Киссур неторопливо вылез из воды и встряхнулся, как собака. Капли воды с его белокурых волос забрызгали дорогой костюм чужака. То т был заметно шокирован: по старой аломской привычке Киссур купался голым и не подумал прикрыться лежащим тут же полотенцем, явно демонстрируя свое презрение к гостю.

– Кто вы такой, – спросил Киссур, – и что с вами стряслось?

– Вы прекрасно знаете, кто я такой!

Киссур, уперев ноги в мраморную кромку пруда, шевелил босыми пальцами. Красноватое солнце плясало в мокрых волосах Киссура и в каплях воды, застывших между ложбинок мощных мускулов. По бедру от колена шел страшный рубленый шрам, и другой шрам, из переплетенных розовых рубцов, тянулся от левой груди к горлу. Остальные раны были помельче.

– О'кей. Меня зовут Камински. Пять месяцев назад я купил землю в зоне, которую мне обещали классифицировать как промышленную. Я стал строить мусорный завод. Теперь, благодаря вашей жалобе государю, ее классифицировали как деловую. Если я хочу продолжать иметь эту землю, мне надо заплатить разницу в цене – двести миллионов. Если я не хочу платить разницы, я могу забирать свои первые деньги обратно, а землю продадут наново!

– Та к при чем здесь я?

– Ханида потребовал миллион и еще триста тысяч, сколько нужно вам?

– Я не торгую родиной.

Камински расхохотался. Его полное лицо затряслось: с ним, видимо, начиналась истерика. Он ткнул в Киссура толстый палец.

– Все вейские чиновники продаются. Они продаются по демпинговым ценам. Я никогда не видел людей, которые хотят продать так много родины за так мало денег.

Киссур побледнел, и глаза его слегка сузились.

– Такие слова, – сказал Киссур, – не земля у моста Семи Облаков. За такие слова ты заплатишь полную цену.

Камински расхохотался и вдруг вытащил черный, крокодильей кожи бумажник.

– Разумеется, – сказал он, – заплачу. По сколько за слово? Десять тысяч хватит? Только не говорите, пожалуйста, никому, а то, если скажете, что я плачу деньгами за каждый плевок, ко мне выстроится очередь желающих плевка….

Одной рукой Киссур сгреб иномирца за широкий галстук, а другой заломил ему руку и дернул на себя. Иномирец перекувырнулся в воздухе, описал дугу и с оглушительным шумом свалился в прудик. Киссур обернулся полотенцем и направился к дому, видимо, не интересуясь, утонет его докучный собеседник или нет.

* * *

Всю ночь Бемиш провел за изучением отчетности компании (которая несомненно была липовой), а все утро – мотаясь по управам.

В три часа Бемиш поехал в «Томура секьюритиз». Брокерская контора, одна из лучших в империи, занимала очень небольшое место в очень престижном районе. Она располагалась в западном крыле дворцового павильона бывшего Сырного Ведомства. Все эти ведомства были расформированы после отмены двойного, дублирующего государственный, дворцового аппарата. Бывшие павильоны дворцовых чиновников были отданы иномирцам, и маленький домик, набитый суперсовременной техникой, встретил Бемиша чудным запахом цветов и мордочкой серебристой лисицы, высунувшейся из-за куста рододендронов.

Брокер, к которому он пришел побеседовать, был толстый молодой человек с глазами, прыгающими весело, как цифры в окошке счетчика банкнот, и золотистой нежной кожей. Звали его Мухаммад Краснов.

Краснов увел Бемиша в переговорную, закрыл окно в сад, включил кондиционер, и они стали говорить об Ассалахе. Слухи о приближающемся инвестиционном конкурсе немного повысили цену акций Ассалаха. Однако желающих продать акции было мало. Ассалахские акции можно было по-прежнему считать неликвидными: спрэд между ценой предложения и спроса достигал двадцати процентов.

Бемишу чрезвычайно понравилась тонкая аура преуспеяния, разлитая по всему небольшому офису, отличные автомашины сотрудников и хорошенькие секретарши с длинными ножками.

Перед прилетом на Вею Теренс Бемиш изрядно изучил состояние и перспективы различных вейских компаний; он остановил свой выбор на Ассалахе и загодя приобрел довольно значительный пакет акций; большую часть – через Краснова. Акции были на предъявителя, но держателю пакетов акций свыше пяти процентов полагалось этот факт регистрировать. Сейчас Бемиш владел шестью процентами Ассалаха, однако афишировать этот факт не собирался.

Бемиш и Краснов поговорили о финансовых делах, а затем молодой брокер ударился в воспоминания о баснословной дешевизне вейских ценных бумаг. Бумаги и в самом деле стоили брокерам гроши, и это уже не могло повториться. По крайней мере, если к власти не придут «знающие путь».

– Это такая маржа была, – рассказывал Краснов, – представляете, за плетушку рисовой водки продавали акции! Знаете, сколько мне стоили двадцать семь тысяч акций осрийской никелевой концессии? Бочку рисовой водки для всей деревни и еще шоколадку «херши»! Знаете, за сколько я их продал? За четыреста тысяч денаров!

Бемиш усмехнулся:

– А за сколько вы покупали у крестьян ассалахские акции?

Брокер помолчал, размышляя. Потом он сделал нечто неожиданное. Он начал раздеваться. Он снял с себя пиджак и плоский бордовый галстук, стянул модную в этом сезоне рубашку с вертикальным воротничком и повернулся спиной к Бемишу. Бемиш ахнул. Спина Краснова, от позвонков и до копчика, была покрыта бледными, но заметными еще розовыми рубцами.

Краснов надел рубашку и спокойно пояснил:

– Когда я явился в Ассалах, меня встретил уездный начальник. «Брокер?» – «Брокер». – «За акциями»? – «За акциями». – «Пойдемте в управу, там я вам отвешу товар». Мы пошли в управу, он меня посадил на ночь в яму с навозом, а утром велел выпороть солеными розгами и сказал: «Чтобы больше тебя я в Ассалахе не видел».

– Господи!

– Кстати, он любезно разъяснил мне свою позицию. Заявил, что народ – это дитя, которое продает акции за плетушку водки, и что чиновники должны беспокоиться о его благосостоянии. И что пока он жив, ноги иностранных шакалов не будет в Ассалахе. Не то чтобы я не мог оценить его любезность. Меня, знаете ли, никогда не били солеными розгами.

– А судиться за розги вы не стали? – изумился Бемиш.

Но Краснов так поглядел на него, что Бемишу стало ясно, что он сморозил глупость.

Вернувшись в гостиницу, Бемиш почувствовал, что он проголодался, и забрел в обеденный зал. Цивилизованными в ресторане были только цены, обозначенные в денарах Федерации. Бемиш наугад ткнул в два-три названия. Вскорости официант принес ему целую плошку дымящегося супа с пельменями, несколько тарелочек с закусками и нечто, что запоздало напомнило Бемишу любимый местным населением бифштекс из собачатины.

Бемиш едва покончил с закусками, когда на стул рядом кто-то присел. Бемиш поднял глаза: перед ним сидел человек среднего роста, со строгими, прозрачными, как бензин, глазками и с фигурой, о которой местные крестьяне обычно говорят: «какой-то совсем неумелый бог его лепил». Только лицо его при ближайшем рассмотрении несколько противоречило общему аляповатому виду и было жестким, словно скрученным из кусков проволоки.

– Добрый день, господин Бемиш, – сказал человек. – Меня зовут Ричард Джайлс. Я представляю здесь компанию «Венко», – мы, знаете ли, участвуем в инвестиционном конкурсе на Ассалахский космодром.

– Какое совпадение, – сказал Бемиш, – и я в нем участвую.

– Но вы не пользуетесь расположением президента компании, господина Шаваша.

– Это еще не повод для огорчения.

– Я вам советую уехать с этой планеты, пока вас не выкинули с нее, господин Бемиш.

– А я вам советую убраться из-за этого столика, пока я вас не искупал в моем супе.

– Поверьте мне, господин Бемиш. Враждебный захват компании – это штучки для цивилизованного государства. А если вы попытаетесь здесь купить компанию, президент которой этого не хочет… вы знаете, что у этого президента есть своя личная тюрьма?

– Я знаю, – сказал Бемиш, – что этот президент в любой момент может быть смещен государем, в случае если кто-то, стоящий близко к государю, докажет, что этот человек действует вопреки выгоде компании. Вы слыхали, что случилось, из-за Киссура, с Йозефом Камински? Я ясно выражаюсь?

– Вполне. Значит, за вами Киссур, а за мной – Шаваш. Кто по кому проедет катком?

Тут официант принес Бемишу десерт и, вытянув голову, справился у его собеседника, угодно ли тому сделать заказ.

– Нет, – сказал Джайлс, – я пошел. А вы, господин Бемиш, если бы вы хорошо разбирались в здешней кухне, вряд ли бы заказали бифштекс из морской свинки.

* * *

Остаток дня Киссур провел в кабаках с Ханадаром Сушеным Фиником и парой близких приятелей. Он проиграл в кости около двенадцати тысяч и почти не пил, хотя кое-кому поцарапал рожу. Вечером Киссур сел в машину и поехал к Шавашу.

Шаваш сидел в Облачной Беседке, и у него был гость-иномирец.

Видимо, иномирец был достаточно близкий, потому что, во-первых, Шаваш принимал его в беседке, предназначенной для вейцев, а во-вторых, в беседке находились две очень красивые девицы. Девицы были скорее раздеты, чем одеты, и одна сидела на коленях иномирца, а другая, жадно дыша, лизала этот самый предмет, выставивший налитую головку из расстегнутых брюк Шаваша. Шаваш лежал, откинувшись, на ковре, и его кафтан и исподняя рубаха, вышитая лотосами и лианами, валялись неподалеку. Стол был уставлен закусками и фруктами, свидетельствуя, что два собеседника уже покончили с делом и приступили к отдыху.

Иномирец при виде Киссура вскочил с ковра, и елозившая по нему девица откатилась в сторону.

– Ричард Джайлс, – сказал Шаваш, – представитель компании «Венко».

Киссур молча плюхнулся на ковер.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал иномирец, с некоторым сожалением косясь на девицу.

– Иди-иди, – сказал Киссур, – эти девки у «Транс-Гала» стоят по пять ишевиков пара, не жадничай.

Иномирец вышел. Шаваш, полузакрыв глаза, потянул на себя девицу, и та села на него верхом. Шаваш тяжело и жадно дышал.

– Опрокинься на спину, – сказал он девице.

Та послушно исполнила требуемое.

Киссур подождал, пока Шаваш кончил.

– Принеси-ка мне кувшинчик инисского, – сказал Киссур, обращаясь к девицам, – да идите вдвоем.

Девицы покинули беседку. Шаваш лежал на ковре, шаря рукой в поисках рубахи.

– Чтой-то все забегали по поводу этого космодрома, – сказал Киссур, – и все к тебе.

– Я – президент компании.

– А кто был прежний президент?

– Человек по имени Рашшар.

– Погоди, так он же твоим секретарем был. Это ты, значит, его сначала посадил в президентское кресло, а потом в тюрьму?

– Воровать не надо, – отозвался с ковра Шаваш. – Вагонами причем.

– Да брось ты. Он тебе с каждого вагона половину отдавал, а ты рассердился, что не три четверти. Угробите вы страну, сволочи.

Шаваш наконец застегнул рубашку и штаны, приподнялся и налил себе чашку вина.

– Киссур, одна твоя прогулка на танке по заводу с минералкой обошлась стране гораздо дороже, чем все, что я украл и украду.

– Дался вам этот заводишко, – возмутился Киссур, – вот, и Теренс то же давеча талдычил.

Шаваш молча цедил через соломинку вино.

– Ничего. Бемиш купит твою компанию и заставит вас всех побегать.

– Вряд ли он купит компанию, – сказал Шаваш. – Господин Бемиш часто покупает компании, но я не слышал, чтобы он хоть одну купил.

– Что ты хочешь сказать?

– Господин Бемиш очень неплохой финансист, но он сделал себе состояние на том, что покупал акции компании, якобы угрожая ей захватом, а потом продавал их компании гораздо

выше курса. Это называется гринмейл. Сначала он имел дело с совсем маленькими компаниями, потом с компаниями покрупнее, а потом его попросили убраться из цивилизованных стран. Не то чтобы он нарушил какие-то законы, но ему и его хозяину дали понять, что ему следует для разнообразия подышать каким-то другим воздухом.

– Его хозяину?

– Хозяину из «Леннфельд и Тревис». Рональду Тревису. Откуда он, спрашивается, брал деньги для шантажа компании? Деньги собирал для него Тревис, а Бемиш – это просто дубинка, которой Тревис устраивал свои дела. Видели рядом с ним джентльмена по имени Уэлси? Вот это и есть Тревис – кусочек Тревиса.

Киссур, полузакрыв глаза, играл с бархатистым ворсом ковра. Стены беседки были увиты свежими розами и украшены бесценными картинами времен Пятой Династии, но Киссур знал, что среди этих картин не было ни одной с подписью императора. Свиток, подаренный и подписанный императором, стоил больше, чем титул и звание, и господин Шаваш предлагал полмиллиона молочному брату государя, Ишиму, чтобы тот склонил государя Варназда на подарок. Но Ишиму пришлось вернуть эти деньги: государь почему-то не любил Шаваша.

– «Леннфельд и Тревис» – это славная фирма, – продолжал Шаваш. – Они находят людей, которые, чтобы нажить денар, крону и доллар, готовы вылезти из своей кожи и содрать чужую, и они натравливают этих маленьких людей на большие компании. Это гангстеры, а не финансисты. У нас их бы расстреляли из веерника. А так им сделали замечание, и они решили распространиться в места, где очень мало строгого финансового законодательства и очень много недооцененного имущества.

Шаваш помолчал и прибавил:

– Этот поганец купил семь процентов Ассалаха через подставных лиц, и он покупал их маленькими порциями на протяжении многих месяцев, чтобы не потревожить рынок.

Тут девицы вернулись с вином, и одна из них села Киссуру в ноги, а другая подползла к Шавашу и стала трогать его руками под рубашкой, и Шаваш засмеялся и поставил бокал на стол, а потом вновь откинулся на спину.

* * *

На следующий день министр финансов Шаваш стоял перед первым министром империи, старым господином Яником.

Господин Яник стал первым министром года полтора назад, после смерти своего предшественника, некоего Арфарры. Все единодушно считали Яника ничтожеством и временной кандидатурой – чем бы, мол, дырку ни заткнуть, лишь бы не текло. Однако ничтожество просидело на своем посту куда дольше, чем многие из тех, кто считал его явлением временным.

Яник и Шаваш принадлежали к разным поколениям и, что еще важнее, были уроженцами разных провинций, и Шаваш не раз довольно громко выражал свое мнение о Янике, а Яник не раз довольно громко на примере Шаваша сожалел о тех временах, когда проворовавшихся чиновников вешали на всех четырех дворцовых воротах – по четвертинке на каждые.

– Ознакомьтесь, – сказал Яник, протягивая Шавашу белую пластиковую папку.

Шаваш развернул папку и углубился в чтение.

Это был проект строительства гигантского алюминиевого комплекса на востоке империи, в Тас'Салиме, богатом бокситами, но бедном энергией. Проект предусматривал создание глиноземного завода, завода по первичной переработке алюминия, двух электростанций – термоядерной и магнитогидродинамической, и еще какого-то заводика по изготовлению композитных сплавов для гравитационных двигателей.

Общая стоимость первой очереди стройки оценивалась в двести миллионов галактических денаров. Компания, понятное дело, была государственной.

Шаваш перевернул последнюю страницу и увидел то, что искал, – президентом компании предполагали назначить Чанакку – внучатого племянника первого министра, человека довольно пустого и развратного, провалившего уже по крайней мере три поручения, и вдобавок фанатичного националиста, что было особенно неприятно космополиту Шавашу, с его безупречным знанием Стандарта и изысканными костюмами, пошитыми не ближе чем за три тысячи световых лет от Веи.

– Вот, – сказал первый министр, – безусловно важное дело. Пора кончать плестись в хвосте развитых миров. Ни у кого нет такого комплекса!

Шаваш подумал про себя, что такие комплексы есть и на Транаре, и в Дакии. Но что верно, то верно: ни у кого не было такого комплекса в государственной собственности.

– Через два года, – сказал первый министр, – мы будем диктовать погоду на рынке космических двигателей! В течение недели ваше министерство должно изыскать семьдесят миллионов денаров на первоочередные расходы!

– Мы не можем это сделать, – спокойно сказал Шаваш.

– Почему?

– Денег нет. Чиновникам в Чахаре второй год жалованье не платят.

Яник с неодобрением смотрел на министра финансов. Шаваш был слишком молод. Яник еще помнил те времена, когда слова «денег нет» просто не имели смысла в Вейской империи. Если денег не было, можно было их напечатать. На цену товаров это никак не влияло, потому что цена товара определялась не количеством денег в обращении, а Указом о стоимости товаров, услуг и проступков.

– Господин Шаваш, – спросил Яник, – каково ваше ежемесячное жалованье?

– Триста ишевиков, ваша светлость, – ответил чиновник.

– Это правда, что ваша последняя игрушка, частная космическая яхта класса «Изумруд», стоила пятьдесят миллионов ишевиков?

– Это был подарок друзей, – улыбнулся чиновник.

– Господин Шаваш, – сказал Яник, – Тас'Салим – важнейшая стройка для нашего государства. Мы обязаны найти на нее деньги. Или мы займемся вашей яхтой. Вы меня поняли?

– Вполне.

* * *

Шаваш вернулся в свой роскошный кабинет искренне расстроенный. Он цыкнул на секретаря, швырнул модный пиджак на спинку стула, бросился в кресло и некоторое время сидел неподвижно. Те, кто поверхностно знал чиновника, были бы уверены, что он раздосадован неприкрытой угрозой, прозвучавшей из уст первого министра: красавица яхта явно кое-кому не давала покоя. Но, как ни странно, видимо, Шаваш был обеспокоен совсем другим. Во всяком случае, в абсолютной тиши кабинета, снабженного дюжиной противоподслушивающих устройств, он позволил себе сжать голову обеими руками и тихо пробормотать:

– Что они делают! Нет, суки, они понимают, что делают, или нет?

После чего включил интерком и распорядился:

– Дарен! Найди мне Стефана Сигела, и побыстрее.

Стефан Сигел был представитель Объединенного банка Нарена и Лиссы, двадцатого по величине в этом секторе Галактики, и пожаловал на Вею неделю назад в надежде на сотрудничество.

Стефан Сигел объявился в кабинете министра финансов через два часа.

– Господин Сигел, – сказал Шаваш безо всяких преамбул, – правительство нашей империи хотело бы срочно занять у вашего банка семьдесят миллионов галактических денаров сроком на шесть месяцев под девятнадцать процентов годовых. Вы согласны?

Господин Сигел сглотнул. Девятнадцать процентов годовых – это был очень жирный кусок. Облигации Федерации приносили семь процентов годовых. Облигации Геры – семь с половиной процентов. И хотя финансы Империи Великого Света находились, понятное дело, в куда худшем положении, нежели финансы Геры, его банк нашел бы шестнадцать процентов вполне приемлемой цифрой.

– Да, – сказал Стефан Сигел.

– Прекрасно, – ответил чиновник, – кредитное соглашение будет подписано через час после того, как полпроцента от займа будет переведено вот на этот счет.

И с этими словами Шаваш протянул господину Сигелу листочек с названием банка и номера счета.

Спустя несколько дней, за час до заседания правительства, министр финансов Шаваш положил на стол первого министра Яника кредитный договор с Объединенным банком Нарена и Лиссы.

– Вот ваши семьдесят миллионов, – сказал он. – Полагаю, что нет смысла включать их в доходы бюджета. Они проходят по внебюджетному фонду содействия развитию промышленности.

Повернулся и вышел из кабинета.

«Все-таки удивительно расторопный человек, – растроганно подумал первый министр. – Как это он успел так быстро устроить деньги?»

Конечно, первый министр смутно понимал, что существует некая связь между способностью Шаваша быстро доставать галактические кредиты и покупками вещиц вроде частной космической яхты. Но первому министру было приятно думать, что любые деньги, которые Шаваш заработал на этой сделке, бледнеют по сравнению с тем барышом, который получит его внучатый племянник, закупая для своей компании галактическое оборудование у подставных фирм по вдвое завышенной цене.

* * *

В тот день, когда в столице был столь счастливо решен вопрос о финансировании Тас'салимского алюминиевого комплекса, Бемиш, Уэлси и третий человек, по имени Мак-Кормик, поехали в Ассалах. Мак-Кормик был в банке консультантом по промышленному строительству и прилетел на Вею накануне.

На полдороге они чуть не утонули в огромной рытвине: дорога исчезала куда-то под землю, а метрах в семи возникала опять. Обитавший неподалеку старик созвал народ, и народ перетащил вездеход на волокуше, стребовав за это такие гроши, что у Бемиша даже исчезли подозрения, что рытвину он устроил сам, чтобы взимать плату за перевоз. Впоследствии Бемиш узнал, что в этом месте сходились два уезда и начальники никак не могли договориться, кому заделывать промоину.

На развалинах Бемиш затосковал так, как никогда в жизни, от невиданной порчи природы и стройматериалов.

Черные ворота на летное поле торчали на фоне синего неба, одинокие, как триумфальная арка, и были украшены разнообразными воззваниями к богам и бесам. В стартовых шахтах цвели желтые и круглые, как глаз совы, озерца. Гигантская эстакада развалилась, столбы и перекрытия обросли зеленью и цветами, по полотну, предназначенному для многотонных грузовиков, сновали муравьи.

Ровно половину будущего поля покрывал ровный и необыкновенно колючий кустарник с синенькими цветочками и полуторасантиметровыми шипами, и это придавало космопорту вид леса, окружающего замок спящей красавицы. Увы, при появлении Бемиша колючки не пропали.

Административное крыло пассажирского терминала обрывалось на уровне первого этажа, шахта лифта упиралась прямо в небо. О том, чтобы в нем кто-то когда-то обитал, и речи быть не могло, однако Бемиш хорошо помнил имевшуюся в отчетности компании графу об офисных расходах как раз по высившемуся перед ним зданию. Что-то жуткое было в этом месте, переставшем быть частью природы и так и не ставшем частью промышленного мира.

Солнце уже спешило к полудню, когда Бемиш и Мак-Кормик вышли из здания к молодой бамбуковой рощице, шумящей на фоне сверкающего нержавейкой ангара. Тут Бемиш увидел, что они не одни: сзади, за бамбуковой рощей, стоял на растопыренных лапках флайер, и ветер от его сопел спутал нежную салатовую травку, облепившую посадочную площадку.

Бемиш спустился к флайеру. Под его брюшком, расстелив салфетку, кушал бутерброд с ветчиной человек в вытертых джинсах. Бемиш осклабился, узнав Джайлса из «Венко». Рядом, похлопывая по холке рыжую лошадь в белых чулочках, стоял другой человек – Киссур.

– Добрый день, – сказал Бемиш, подходя. – Вы вместе прилетели?

– Нет, – сказал Киссур, – я на коне.

И показал на опушку, где крутились еще два всадника: Ханадар Сушеный Финик и кто-то из слуг.

– От столицы на коне? – изумился Уэлси.

– У меня друзья неподалеку, – сказал Киссур.

Киссур приложил руку к белокурым волосам и принялся оглядывать окрестности. Было видно, что стальные развалины и трава поверх бетона нравятся ему не больше, чем Бемишу.

– А кто мне объяснит, – спросил Бемиш, – почему здесь хотя бы не косят траву? Я когда ехал мимо, заметил – в селе дом сидит на доме, каждый кусочек вспахан, вдоль шоссе и то стоят бабы и складывают стожки, – а здесь такая зелень, и ее никто не косит.

– Это нечистое место, – ответил подъехавший Ханадар.

– Здесь, говорят, много ведьм, – подтвердил Киссур. – Знаете ли вы, как рождается ведьма?

Никто из иномирцев не был специалистом по зарождению ведьм, и Киссур объяснил:

– Иногда на перекрестке дорог строят храм или даже обычный дом, а потом мир меняет хозяев, и о храме забывают, или владелец дома переезжает бог знает куда. Дом плачет, старится, крыша обрастает травой, и столбы у ворот покрываются шапкой мха. Вода начинает вырезать на столбе узоры и черты, ворона вьет на нем свое гнездо. Вечером местные жители, пробираясь мимо столба, пугаются, думают – это кто-то караулит во тьме. Страх этот прирастает к столбу, наполняет его черты, проникает в его душу. Из страха и ветра зарождается душа столба, начинает смотреть на луну, гулять, когда дождь и слякоть, – так появляется столбовая ведьма.

Киссур ткнул в хромированные колонны, обрамлявшие вход в терминал, и прибавил:

– Эти столбы наверняка бродят по ночам. Вот крестьяне и боятся.

Уэлси фыркнул, а Джайлс испытующе поглядел на варваров и уточнил:

– Если вы верите, что эти столбы бродят по ночам, почему вы их не боитесь?

Киссур на мгновение коснулся кобуры, из которой торчала рубчатая рукоять с зеленым глазком, встряхнул белокурыми волосами и ответил:

– Я не крестьянин, чтобы бояться ведьм или начальников. Или чужеземцев, которые лезут на нашу землю и обижают моих друзей.

Джайлс чуть заметно дернул ртом, а Ханадар почесал у лошади за ухом и добавил, пристально глядя на представителя «Венко»:

– Чужеземец, который лезет на нашу землю поперек нас, сам может превратиться в ведьму. Как ты думаешь, Киссур, если бросить его в эту дырку, которую они называют стартовой шахтой, он станет ведьмой или просто сгниет?

Джайлс слегка побледнел и оглянулся на флайер.

– Нам, пожалуй, пора, – заявил Джайлс, – Господин Бемиш, если хотите, я могу подбросить вас до столицы.

– Теренс остается со мной, – сказал Киссур, – Теренс, ты умеешь ездить верхом?

Он кивнул одному из своих спутников, и тот спешился. Лошадь подвели поближе, и Теренс уставился в крупный коричневый глаз. Лошадь жевала мундштук, и ее бока то поднимались, то опадали. Лошадь смотрела на Бемиша, и Бемиш смотрел на лошадь.

– Вот это хвост, – сказал Киссур, – а вот это голова, а посередине водительское сиденье. Чего ты стоишь? Садись.

– Мне не нравится, – ответил Бемиш, – что эта штука шевелится раньше, чем я включил зажигание.

Киссур и слуги его довольно захохотали.

* * *

Однако Бемишу все-таки пришлось влезть на коня и пробираться по безумному лесу, в котором росли релейные мачты, обвитые лианами. Бемиш устал и отбил себе задницу, и в конце концов чуть не утоп в лужайке, оказавшейся на поверку болотцем внутри пусковой шахты.

Наверное, конь и в самом деле был неплохим средством передвижения в этом запустеньи, но проклятая скотина, мигом почуявшая неопытность седока, то щипала листву, то подкидывала задом, и в конце концов дело кончилось тем, что на крутом склоне, сплошь заросшем кустами, колючая ветка хлестнула Теренса по лицу, лошадь шарахнулась, и Бемиш слетел в прелую траву, пребольно ударившись о скрывавшуюся под ней железяку.

После этого Киссур заявил, что эдакой ездой он угробит коня, и дальше они пошли пешком. Мелкий куст вокруг сменялся бетоном и железом, Бемиш потерял счет направлению и времени, и ему казалось, что их водит по лесу столбовая ведьма, разбуженная нахальной похвальбой варваров.

Они вышли к гигантской опоре монорельса, вздымавшейся из торфяной низины. К бетонной платформе наверху вели полуобрушившиеся ступени. Киссур свил себе венок из кувшинок и, хохоча, побежал вверх.

Бемиш придирчиво изучил ступени на предмет муравейника, смахнул с них какой-то сор и скорее рухнул, чем сел. От него пахло тиной и потом, и штаны его были по ягодицы в грязи.

– Киссур, – позвал Бемиш, – у меня к тебе просьба.

Бывший первый министр империи остановился. Он глядел на Бемиша сверху вниз, с высоты в семь метров, и лепестки кувшинок на его белокурой голове были как древняя корона аломских владык. Киссур ударил ногой по бетонной кладке, и кусок ее с шумом и грохотом упал на землю. Киссур подпрыгнул вверх и захохотал, и снова с силой ударил каблуком о ступеньку. Бемиш еще не видел человека, который бы так наслаждался жизнью и так равнодушно относился бы к смерти.

– Да?

– Космодром выстроен на крестьянской земле, хотя вокруг полно государственной. Но его выстроили на земле общины, а в возмещение семьям раздали акции. Я бы мог их купить.

– За сколько?

Бемиш заколебался. Он бы с удовольствием купил их за кувшин рисовой водки, но следы плетей на плечах Краснова стояли у него перед глазами.

– Эти акции неликвидны, Киссур. Они стоят не больше десяти розовых каждая. Это я готов заплатить.

– А когда ты построишь космодром, каждая будет стоить десять тысяч? На эту сумму ты надуешь крестьян?

– Они не будут стоить десять тысяч, если я не построю космодрома.

Киссур внезапно ухнул и спрыгнул с разрушенной платформы. Он пролетел вниз не меньше пяти метров, и Бемиш с ужасом представил себе, что было б, если бы он напоролся внизу на железяку или крюк. Но мягкие сапожки Киссура с чавканьем ушли в торфяную жижу, обдав Бемиша изрядной порцией грязи, Киссур расхохотался и сел рядом с Бемишем. Они молча смотрели, как клонится к закату солнце и как щебечет соловей, свивший себе гнездо меж бетонных плит.

– А Шаваш сказал, что ты и не собираешься ничего строить, – вдруг промолвил Киссур.

Бемиш удивился.

– Шаваш сказал, – продолжал Киссур, – что ты делаешь деньги на том, что покупаешь акции компании и потом шантажируешь руководство компании, пока они не покупают эти акции обратно втридорога, и что у тебя репутация такого человека – гринмейлера. Это правда?

– Да, – сказал Бемиш.

– Значит, ты собираешься покупать Ассалах?

– Собираюсь.

– А почему ты не покупал других компаний, раньше?

– Я хотел их купить. Просто по мере драки цена за акцию возрастала настолько, что для умного человека купить их было просто глупо. Как тебе, может быть, сказал Шаваш, две из компаний, чей менеджмент от меня откупился, разорились.

– Из-за тебя.

– Вольно ж им было назначать несуразную цену.

– И с Ассалахом случится то же самое, да? Цена тебе покажется слишком высокой, ты продашь акции, а компания разорится?

– Не думаю. Видишь ли, в Ассалах было вгрохано неимоверно много денег, и несмотря на весь окружающий нас вид, – и тут Бемиш указал широким жестом на стрелу монорельса и далекий остов полукруглого терминала, похожий на выеденную арбузную корку, – несмотря на все это, здесь заложены все фундаменты и проведены все коммуникации. Если постараться, он может начать принимать первые корабли буквально через шесть месяцев. Я думаю, что стройка была заброшена только потому, чтобы опустить цену и продать ее нужным людям за копейки. Кроме того, все слыхали, что вкладывать деньги в такой рынок, как ваш, – опасно, но не все понимают, что космодромы да еще системы космической связи – это единственно надежная часть вашей экономики. Это та штука, от которой вы не откажетесь при любом правительстве, и она в наименьшей степени зависит от местных властей, потому что основные ее доходы прилетают с неба. Ассалах сейчас стоит столько, сколько две закусочных в центре Торонто, но на самом деле он безумно недооценен. Поэтому цена акций может подняться в десятки раз, и все равно он останется неплохим приобретением.

Карие глаза Киссура глядели куда-то мимо Бемиша, и его гладкое, спокойное лицо казалось высеченным из слоновой кости.

– А сейчас ты покупаешь акции Ассалаха?

– Да.

– Сколько их у тебя?

– Фондовый Комитет Империи требует регистрировать любую покупку акций компании, превышающую пять процентов. У меня их больше, но я прошу, чтобы это осталось между нами. Я их не регистрировал.

– Как это возможно?

– Номинальными держателями моих пакетов выступают разные компании.

Киссур помолчал и спросил:

– А зачем тебе акции сейчас, если все равно будет тендер?

– Меня не до конца устраивают условия тендера. Они так хитро сформулированы, что позволяют, например, государству искусственно завысить цену уже после объявления победителя.

– А если победителем выйдешь не ты и Шаваш продаст компанию другим людям, – то ты продашь эти акции с многократной прибылью?

– Я куплю Ассалах.

Киссур помолчал. Птицы вспархивали из травы, далеко-далеко в поле мычала затерявшаяся корова, и над головами иномирца и бывшего первого министра империи катилось круглое, как тыква, солнце.

– А что сделали те приказчики, которых ты разорил?

– Какие приказчики?

– Ну, эти, – Киссур щелкнул сильными длинными пальцами с въевшейся под ногти грязью, – президенты компаний.

– Ничего. Они же цивилизованные люди.

– Та к вот запомни, Теренс. Я буду тебе помогать. Но если ты сделаешь, как сказал Шаваш, я зарою тебя у ворот на летное поле, и когда ты превратишься в ведьму, я буду приходить каждую ночь и отрывать тебе голову.

Киссур молча поднялся и пошел к бетонной опоре, а потом вдруг снова заухал и захохотал, и начал перепрыгивать со ступени на ступеньку, пока не поднялся на самую вершину и не побежал по блестящему рогу монорельса, уходящего к солнцу.

* * *

Ричард Джайлс, представитель компании «Венко», нашел министра финансов Шаваша при исполнении церемонии. Маленький пухлощекий чиновник шествовал вокруг нового здания банка «Адако», неся в руках золотой тазик, в котором плавала на щепочке зажженная свечка, а за ним, в одинаковых шелковых одеждах, следовало десятка два детей с такими же свечками в руках.

Вокруг набежало множество любопытных.

Шаваш зашел в здание, выплеснул воду на мраморный пол и с подобающими случаю словами вручил тазик президенту нового банка – племяннику его близкого друга.

Когда через пять минут церемония закончилась, Шаваш удалился в кабинет председателя правления. Джайлс последовал за ним. Шаваш скинул с себя просторный шелковый паллий, под которым оказался безупречный белый костюм. Костюм удачно скрывал слегка расплывшуюся талию, и от тщательно выбритого подбородка Шаваша пахло туалетной водой и какими-то местными благовониями. Каким-то образом, несмотря на легкую полноту, Шаваш не терял ни изящества, ни быстроты в движениях, и его желтовато-золотистые глаза смотрели на мир с искренней радостью и даже простодушием.

– А, это вы, Дик? – сказал он. – Добро пожаловать, что-то я не видел вас в начале церемонии.

– Я летал в Ассалах, – сухо ответил Джайлс, – Бемиш тоже был там. Вместе с Киссуром. И Киссур мне угрожал.

– Ну, если Киссур вам угрожал, – улыбнулся Шаваш, – вы можете написать заявление в Министерство Порядка и Справедливости. Оно будет рассмотрено в надлежащем порядке.

Сухопарый иномирец внимательно посмотрел на своего собеседника, пытаясь понять, как следует расценивать эти слова: как оскорбление или просто как дружескую шутку.

– Мы с вами договорились, что Теренс Бемиш не будет участвовать в конкурсе.

– Не всегда может человек исполнить то, о чем он договаривался, – объяснил Шаваш, – особенно если другое предложение более выгодно.

Тонкий рот Джайлса скривился в насмешке:

– Черт возьми, если мы платим по денару за акцию, мы не можем позволить, чтобы кто-нибудь еще подавал заявки!

– Сожалею, вам придется поднять цену. Теренс Бемиш предлагает семь денаров за акцию – поднимите цену, и все.

– Я не затем платил вам, Шаваш, чтобы платить еще и за акции! Выгоните Бемиша!

– Сожалею, – сказал Шаваш и улыбнулся радушней прежнего, – но вы же сами видите, что Теренс Бемиш – протеже Киссура. Если выставить его за порог, Киссур нажалуется государю. Один и семь – это слишком большая разница. Вы хотите такого же скандала, как с Камински?

Разъяренный Джайлс молча хлопнул дверью. В коридоре его ждал товарищ.

– Ну что?

– Чертов взяточник, – прошипел разъяренный иномирец. – «Протеже Киссура», как же! Ты знаешь, кто просил у чиновников подпись на документах в ту ночь, когда все были пьяны? Киссур? Черта с два, Киссур лежал с девкой, подписи просил Шаваш! Он теперь будет погонять нас этим Бемишем, пока мы не заплатим хотя бы по пять денаров за акцию!

* * *

К вечеру Теренс и Киссур выбрались с космодрома через дыру в стене и зашагали в сумерках по красивой, утоптанной в пыль дороге, вившейся мимо тщательно возделанных огородов и рисовых чек.

Бемиш устал хуже собаки и тихо бесился: что, в конце концов, хочет доказать ему Киссур? Что он лучше Бемиша приспособлен для марш-броска? Велика важность для человека, воевавшего в стране, в которой вся бронетехника была мощностью в одну лошадиную силу! Бемиша так и подмывало выложить все это Киссуру. Но он вместо этого молчал и плелся за бывшим министром, как хвост за собакой.

Километров через пять дорога пошла вверх; рисовые чеки сменились садами, и за поворотом Бемиш увидел высокий просмоленный забор загородной усадьбы и встающие над ним беленые холмики крыш.

За усадьбой снова потянулись поля, а потом – саманные домики с играющими в пыли ребятишками; а еще через десять минут Бемиш увидел зеленый флаг у распахнутых ворот деревенской харчевни и опрятную молодуху, управляющуюся с земляной печью на заднем дворе.

Оба путника были по уши в грязи и имели настолько сомнительный вид, что хозяин даже не шевельнулся, увидев их на пороге, и только когда Киссур сел за стол и гаркнул как следует, вразвалку подошел к посетителям. Киссур осмотрел гусей, которых предложил хозяин, велел одного зажарить и заказал к гусю грибную подливу, закуски и вино.

Вскоре гусь появился перед путниками в жареном виде, и его нельзя было узнать: такая аппетитная на нем была корочка, и с таким веселым шипеньем стекал с него жир в дымящееся блюдо с рисом. Путники принялись за еду, и хотя Бемиш очень проголодался, он скоро заметил, что ему не угнаться за Киссуром.

Посетителей в харчевне было немного; самая большая компания, человек шесть, сидели у окна, и на столе перед ними не было ни мясного, ни пьяного.

– Сектанты, наверное, – ткнул в них Киссур, – говорят, в здешних краях их немало.

Впрочем, сектанты Киссура особенно не интересовали, – куда больше он прислушивался к разговору двух бедно одетых крестьян, которые, втянув голову в плечи, поспешно выбирали из своих тарелок рис. Минут через пять Киссур подошел к ним и поманил за свой стол, угостил гусем и принялся расспрашивать. Бемиш смотрел на крестьян во все глаза. Они были босоногие и худые, и их куртки казались разноцветными от поставленных на них заплат. У старшего

борода была разделена на две части и заплетена в косичку. У младшего не было штанов, а была длинная рубаха с застежкой между ног.

– О чем они говорят? – спросил Бемиш.

– Эти крестьяне из соседней деревни, – сказал Киссур, – а идут к управляющему той самой усадьбой, которая сидит на холме. Два года назад у них захворал отец, и они заняли у управляющего деньги сначала на лечение, а потом на достойные похороны. Вышло так, что за эти два года проценты сравнялись с долгом, и, как только это случилось, управляющий послал своих слуг в деревню и забрал в уплату долга их сестру. Парни поехали к своим родственникам, чтобы занять деньги, но так ничего и не добились, и вот теперь едут к управляющему.

Киссур замолчал.

– А акции, – поинтересовался Бемиш, – вы спрашивали про акции?

– Они не знают, что такое акции, – ответил Киссур. – Если это те красивые бумаги с красным кантом, которые им выдали вместо земли, то они подарили их управляющему на именины.

– Но они даже сейчас стоят десять ишевиков штука! – вскричал Бемиш, совершенно забыв про плетушку водки.

Крестьянин с беспокойством вертел головой, прислушиваясь к речи оборванцев в богатой, но грязной одежде: оба явно говорили на воровском жаргоне, ничего не понять! Киссур полез за пазуху, вытащил оттуда пачку денег, отсчитал двести ишевиков и отдал старшему парню.

– Держи, – сказал, – это тебе на выкуп сестры.

Крестьянин выпучил глаза на незнакомца, а потом упал на колени и стал целовать перед Киссуром землю, пока Киссур не поднялся резким движением и не закричал:

– Хозяин, счет!

– Куда мы теперь? – спросил Бемиш, когда они покинули харчевню.

Киссур отогнул полу грязной куртки, убедился, что ствол под курткой на месте, и сказал:

– Обратно в поместье.

Звезды уже раскатились по небу, как горох, высыпавшийся из подола нерадивой хозяйки, когда Бемиш, усталый как собака, доплелся вслед за Киссуром на вершину холма, увенчанную просмоленным забором с белыми луковками крыш. Они долго стучались в ворота, пока те наконец не поползли вбок, и в перекрещенном свете фонарей Бемиш увидел перед собой двух охранников в зеленых куртках и с плоскорылыми длинными веерниками.

– Объясняйся, – пихнул Бемиша в бок Киссур.

– Я… наша…. переночевать, – начал Бемиш.

Один из охранников поднял повыше фонарь, сообразил, что имеет дело с иностранцами, которые по-человечески понимают меньше собаки, и впустил их в усадьбу без особых разговоров.

* * *

Теперь надо сказать, что управляющий поместьем, в которое они пришли, был очень дурной человек. Он беспощадно обирал крестьян, торговал девушками, скупал краденое и содержал целую шайку, которая вымогала у людей деньги. С местным начальством он был в прекрасных отношениях. При всем этом он напускал на себя благородный вид. Обирая крестьян, он всегда старался свалить ответственность на безжалостные распоряжения хозяина усадьбы. Та к как крестьяне в этой местности были очень глупы, им и в голову не приходило пожаловаться владельцу усадьбы, который жил в столице и не подозревал о творящихся безобразиях. Таким нехитрым способом управляющий добивался, что крестьяне считали его своим заступником.

Итак, Киссур и Бемиш разместились в копне сена на скотном дворе, а крестьяне, которые встретились им в харчевне, в это время ждали у дверей приемного зала. В конце концов управляющий спустился к ним и сказал:

– Мне-то вас очень жалко, – заявил он, – но я уже переслал вашу сестру господину в столицу, так что и разговора никакого нет, чтобы потребовать ее обратно. Если она понравится господину, то вам повезло: может, он и согласится не требовать с вас остаток долга.

– Но нам удалось раздобыть деньги! – радостно сказал крестьянин и протянул ассигнации.

Но кто же мог знать, что вчера управляющий повздорил с одним из своих слуг и убил его ударом палки по голове.

После этого он запихнул тело в багажник, вывез его из усадьбы и бросил в кусты неподалеку от заброшенной стройки. Утром он сказал, что отправил слугу за покупками в столицу. Впоследствии он надеялся заявить о бегстве слуги, но сейчас, при виде денег, у него возник великолепный план. Он просмотрел еще раз ассигнации и вдруг вытащил из них одну, достоинством в двадцать ишевиков, на которой имелась сделанная чернилами банковская пометка «200».

– Хватайте их, – закричал он слугам, – эти двадцать ишевиков я отдал моему слуге Анаю, которого вчера послал в район! Анай должен был вернуться сегодня утром, наверняка они его ограбили и убили. Иначе откуда у них взялись деньги?

Слуги схватили растерявшихся крестьян.

– Где вы взяли эти деньги? – напустился на них управляющий.

– Ваша милость, – взмолился старший, – деньги дали нам двое бродяг, которые сейчас спят на сеновале, – один белокурый, а другой темненький! Откуда мы знали, что он кого-то ограбил?

Управляющий велел слугам посмотреть, и в скором времени ему донесли, что действительно на сеновале спит темноволосый бродяга, а другой зарылся в сено. Одежда темноволосого была богатой, но грязной, что же до второго, то от него из сена торчали только поношенные сапоги наилучшей столичной выделки. Управляющий обрадовался. «Рыба, можно сказать, сама плывет в руки, – решил он, – арестую этих бродяг и обвиню их в убийстве!» Но потом он передумал. «Еще неизвестно, откуда эти бродяги взялись! – сообразил управляющий. – Только бандиты носят при себе такие деньги и такие сапоги, и они, конечно, не обрадуются, если я обвиню члена известной шайки в убийстве и грабеже! После этого мне придет конец! И наоборот, бандиты оценят мою скромность, если я не стану впутывать их в это дело».

И напустился на крестьян:

– Что за вздор! Откуда у бродяг такие деньги? Вы на все идете, чтобы обвинить случайных попутчиков!

И приказал принести плети и розги.

* * *

Киссур вовсе не спал в это время на сеновале. Ему очень хотелось посмотреть на результаты своего благодеяния. Чтобы не привлекать внимания, он снял с себя сапоги, воткнул их в сено, так что их можно было принять за ноги спящего в стогу человека, неслышно взобрался на крышу сеновала и перепрыгнул оттуда на главный дом. Та м он снял с себя пояс с крюком, зацепил крюк за выступ на крыше и спустился по крюку на карниз, огибающий дом. По этому карнизу он дошел до приемной залы. Свесившись вниз, он слышал, как крестьян обвинили в убийстве и как те, не выдержав пытки, в этом убийстве признались.

Через некоторое время арестованных увели, управляющий запер деньги в небольшой железный сейф, стоявший в углу, и все разошлись. Выждав полчаса, Киссур осторожно отколупнул ножом деревянную раму и влез внутрь.

* * *

Бемиш проснулся в середине ночи: Киссура рядом не было. «И где его нелегкая носит», – рассердился Бемиш. Светила луна, и крыши флигелей и хозяйственных построек четко вырисовывались на фоне ночного неба. И в эту секунду Бемиш увидел силуэт человека, крадущегося по коньку главного дома с узлом под мышкой. Его белокурые волосы, стянутые в пучок на затылке, блестели в свете луны, как свежевымытый рис. Бемиш вздрогнул и протер глаза. Человек перепрыгнул на крышу гаража и скрылся внутри. «Держи вора!» – вдруг раздался крик, и в доме что-то сверкнуло. Бемиш подпрыгнул.

В гараже бухнуло, ворота его распахнулись, и из них, сопя, вылетел грузовичок.

– Прыгай! – заорал Киссур.

Бемиш взлетел на подножку грузовичка, рванул дверцу и повалился на сиденье. Грузовичок заметался по двору, вышиб ворота и припустил вниз по склону. Разбуженные слуги кинулись вслед, но так как каждый боялся, что грабители начнут стрелять и, пожалуй, попортят дворне шкуру, – они ограничились громкими воплями и суетой с фонарями.

Управляющий молча созерцал разоренный сейф. «Гнусные люди эти грабители, – подумал он, – я проявил великодушие, не стал притягивать их к ответу за убийство, а они вместо благодарности учинили такое!»

* * *

Когда грузовик отъехал от усадьбы километра на три и стало ясно, что погони за ним нет, Киссур свернул к обочине, остановился и спросил:

– Теренс, ты никого на стройке не убивал?

Иномирец только руками всплеснул от такого вопроса.

– Вот и я думаю, что не убивал, – согласился Киссур. – Тогда откуда же управляющий опознал эту бумажку?

И Киссур стал рассказывать все, что произошло между управляющим и крестьянами.

– Я думаю, – сказал, поразмыслив, Бемиш, – все дело в том, что управляющий уже отослал эту девицу своему господину и не решается требовать ее обратно. Вот он и затеял эту свару с деньгами, а слуга, наверное, куда-то сбежал или вернется через неделю.

– Хорошо ты думаешь, – сказал Киссур, – вот и крестьяне, верно, думают то же. Держи.

И, перегнувшись, Киссур подцепил откуда-то сзади здоровенный мешок из рогожи. Теренс раздернул горловину мешка и посмотрел внутрь. Мешок был набит вперемешку пачками денег и закладными, но первое, что бросилось Теренсу в глаза – это плотные белые листы с красным окаймлением и всевозможными гербовыми печатями, аккуратно сложенные в пачки по несколько сот штук и перевязанные веревочкой, – сертификаты акций Ассалахской компании.

– О боже мой, – простонал Бемиш, – это что такое?

– Твои акции. Помнишь, крестьяне сказали, что управляющий требовал их в качестве подарка?

– Зачем?!

– Ты же сам сказал, что, имея эти акции, ты сможешь диктовать условия Шавашу.

– Киссур! Во-первых, я могу покупать задешево и продавать задорого, но я еще ни разу не приобретал ценных бумаг с помощью бандитской фомки, во-вторых, ни один банк не предо-

ставит мне финансирования ровно через пять минут после того, как эта история станет известной, и, в-третьих, эта история непременно станет известной, так как управляющий пожалуется на то, что один из бандитов, его ограбивших, был иностранцем, а вокруг не так много иностранцев…

– Твоя правда, – сказал Киссур, – надо сделать так, чтобы он не пожаловался.

Бемиш махнул рукой и замолчал.

Через час они доехали до разрушенной эстакады, где Бемиш и его спутники утром бросили машину: машина была на месте. Киссур высадился из грузовичка, кинул тяжеленный мешок на заднее сиденье и вынул из багажника чистую одежду.

– Переодевайся.

Киссур повел машину, а Бемиш нахохлился, утих и думал, глядя на Киссура: «Не человек, а ходячий скандал!» Доехали до затхлого городка и остановились перед красными лаковыми воротами: Бемиш сообразил, что это уездная управа. Наверное, это была та самая управа, где Краснова выпороли за попытку приобрести акции.

– Что, хотите ограбить еще начальника управы?

Киссур, не отвечая, стучал в ворота. Начальник управы, узнав о приезде императорского любимца, оделся и вышел навстречу. Начальник был короток ростом, светловолос и кругл животом. Толстый мясистый нос свисал с его лица, как сарделька.

– Нам бы переночевать, – сказал Киссур.

Начальник управы бросился распоряжаться.

* * *

Когда утром Бемиш и Киссур сошли вниз, в доме царила суматоха. Уездный начальник, кланяясь, доложил:

– Господин Киссур! Недалеко отсюда есть ваша усадьба, управляющим в ней скромный человек по имени Ханни. Вчера ночью двое бродяг ограбили дом, украли из сейфа четыреста тысяч ишевиков! Один белокурый, а другой темноволосый! Эти же двое, по-видимому, убили его слугу и забрали у мертвого деньги: труп сегодня нашли в речных кустах!

Бемиш понял кое-что из того, что сказал чиновник, и похолодел.

Поехали к управляющему: по пути к ним присоединился десяток дружинников Киссура, вызванных им из столицы ночью. Во дворе усадьбы стояли два свежевкопанных столба, и возле них теснилась изрядная толпа народа.

Управляющий усадьбой сидел у столбов, на специально устроенном возвышении, и перед ним на коленях стояли двое крестьян. Рубахи с них были содраны, и рубцы от плетей на их спинах сочились кровью. То т крестьянин, который постарше, был в одних штанах, а тот, на ком была одна только рубаха с застежкой между ног, был и вовсе голый.

Стражники подхватили крестьян под мышки и стали привязывать их к столбам, а управляющий напустился на них:

– Дело ясное! Эти двое сговорились с разбойниками, ограбили и убили моего слугу! В дальнейшем вы намеревались все вчетвером ограбить усадьбу, но, так как вас арестовали, бродяги принялись за дело вдвоем! Отвечайте: где вы их подцепили? А я-то пытался за вас заступаться перед господином, передал ему вашу сестру, чтобы он был снисходителен!

Старший крестьянин молчал и только плакал, а тот, что помладше, визжал, что он не виновен.

– Сорок плетей им! – распорядился управляющий.

Тут толпа зашевелилась, и из нее выбрался Киссур. Он был в чистой рубахе и синих штанах, и его белокурые волосы были стянуты в пучок и перевязаны широкой лентой с изображением белого кречета; в руках Киссура был пистолет, но и без всякого пистолета Киссур

возвышался над управляющим на добрую голову. За могучими плечами Киссура висел холщовый мешок.

– Эй, Ханни! Это какую такую девицу ты мне передал? – спросил Киссур.

Управляющий глянул на Киссура и как будто стал вполовину роста. Он сбежал с помоста и бухнулся хозяину в ноги.

– Сколько, ты говоришь, у меня украли? – продолжал Киссур.

– Четыреста тысяч ишевиков, – сказал управляющий, – это была вся выручка за продажу масла и леса. Та к получилось, господин Киссур, что я счел нужным продать тот лес, что слева от Гремячьего Лога, а деньги за сделку я положил в сейф, стоящий в спальне.

– А украли ли из сейфа что-нибудь другое, кроме денег? – спросил Киссур.

– Никак нет, господин Киссур, – сказал управляющий, – больше ничего там не было.

Тут Киссур снял мешок с плеча и вытряхнул все, что в нем было, прямо на деревянный помост, сооруженный рядом с позорными столбами: а красных с белым сертификатов там уже не было.

– Я, Ханни, – сказал Киссур, – когда давал тебе это поместье, сказал: «Не притесняй людей, бери с человека десятую долю». Вчера я шел мимо, с моим другом, и решил посмотреть, как ты выполняешь мое указание: и когда ты арестовал людей, которым я дал деньги, и вдобавок сказал им, что это я обесчестил их сестру, которой я в глаза не видал, мне показалось, что ты выполняешь мое указание как последняя свинья: что ты пьешь мозг и кровь народа. И я решил заглянуть в твой сейф, и, во-первых, я унес из него не четыреста тысяч, а шесть с половиной тысяч ишевиков, а во-вторых, я унес из него долговые акты, на которых стоит моя подпись: и это поддельная подпись. И я понял, что лазил в этот сейф не зря, потому что вряд ли бы ты показал мне эти поддельные акты!

Управляющий ничего не мог говорить, а только гукал и ползал у ног Киссура.

– Признавайся, – рявкнул Киссур, – сколько девок ты продал в публичные дома, а вину валил на меня?

– Да человек двадцать, – раздалось из толпы.

Тут Киссур налетел на управляющего и раздавил ему нос и многое другое, а потом велел взять его и повесить на столбе. Сначала Киссур приказал повесить его за шею, но потом, по просьбе Бемиша, смягчился и приказал повесить его за ноги, а уездный начальник бегал рядом и очень усердно помогал охранникам.

Двоих крестьян отвязали от столбов; старший ничего не говорил и только плакал, а младший выглядел изумленным, как будто вернулся с того света.

К полудню в усадьбу стеклись сотни крестьян.

– Вот оно, оказывается, в чем было дело! – говорили крестьяне. – Проклятый управляющий и нас обманывал, и хозяина водил за нос! Спасибо, хозяин приехал и разобрался!

Киссур сел на возвышении у позорного столба, на котором висел управляющий, и стал возвращать крестьянам закладные, а уездный начальник сидел у его ног и ставил печать на том, что подписал Киссур.

* * *

Теренс Бемиш стоял рядом с Киссуром часа три, а потом, когда ему это наскучило, он тихонько протиснулся сквозь толпу и отправился посмотреть на усадьбу: прошлым вечером он не видел ничего, кроме хозяйственного двора.

Усадьба была загляденье: флигели утопали в зелени и цветах, по зеркальной глади пруда плавали разноцветные мячики; за цветущими рододендронами и азалиями отыскались искусственный водопад и резная беседка; в господском доме, кроме затянутых шелком стен, име-

лись также в наличии климат-контроль, поликристаллические экраны и невиданное количество порнографических чипов.

Когда Бемиш спустился в главный двор, крестьян там уже не было. Они стояли за воротами, перегорженными редкой цепочкой охранников, шепчась и вытягивая шеи, а во дворе двое белокурых варваров загоняли управляюшего в багажник машины. Управляющий повизгивал, но лез.

– Ну, как я поступил? – спросил Бемиша Киссур.

Он напомнил Бемишу хозяина бойцового петуха, выигравшего сражение.

– Если бы справедливое устройство общества, – сказал Бемиш, – зависело от количества людей, которых загоняют в багажник, то ваша империя была бы самым справедливым местом во Вселенной. Однако все обстоит противоположным образом.

Киссур нахмурился.

– Дело не в том, – пояснил Бемиш, – чтобы загонять бесчестных чиновников в багажник. Дело в том, чтобы поставить чиновников в такое положение, чтобы они не могли обижать народ.

– А как тебе нравится эта усадьба?

– Чудное место, – усмехнулся Бемиш, – здесь можно построить рай или, по крайней мере, дивную птицеферму.

Белокурый бандит расхохотался и хлопнул его по плечу.

– Тогда она твоя!

Бемиш изумился.

– Я не могу принять такой подарок.

– Почему? Ты сам заявил, что дело не в том, чтобы набить морду плохому хозяину, а в том, чтобы найти такого, который не станет красть. Рассуждать ты горазд, а как до дела – в кусты.

– Но я даже языка не знаю!

Но Киссур и слушать ничего не хотел.

– К тому же тебе надо где-то жить, – заявил он, – ты обязательно заполучишь эту компанию себе в карман, вот увидишь! Я выпрошу ее для тебя у государя.

Тут бывший премьер-министр вытянул голову, сунул в рот два пальца и залихватски свистнул.

– Эй, Ханадар! – закричал он, – как он лезет! Ноги-то, ноги пусть подберет! Или отрежь их к бесовой матери!

* * *

Бемиш проснулся поздно утром. Солнце билось в раскрытое окно, плясало на яшмовой морде божка, оскалившегося над дверью, на серебряном старинном светильнике, оканчивавшемся белым пузырем световой трубки. Бемиш с трудом вспоминал вчерашнее: «Была драка… Потом все пили… Боже! Он подарил мне усадьбу!»

Бемиш подскочил в постели: на столе лежал листок с дарственной. Та была оформлена еще вчера, перед пирушкой. После пирушки все собрались уезжать, и так как Теренс был немного пьян, он тоже полез в машину.

– Ты уверен, что хочешь с нами? – спросил с кривой улыбкой Киссур.

Тут Теренс оглянулся и заметил, что у ворот урчит та самая машина, в багажник которой погрузили бывшего управляющего, и что рядом с этой машиной стоит Ханадар Сушеный Финик и зачем-то пробует на прочность бампер.

Бемиш побледнел и сказал:

– Лучше я пойду спать.

Через час Бемиш задумчиво пил в гостиной чай. По пятому каналу шли местные новости. Главной новостью был неопознанный труп, найденный сегодня утром близ Ассалаха. Труп был разорван на две половинки, и местные крестьяне были уверены, что тут постаралась ведьма. Уездный начальник был бледен и говорил, что ума не приложит, как мог образоваться этот труп.

– Но мы обязательно проведем расследование, установим имя убитого и найдем убийц! – сказал уездный начальник, глядя в камеру.

Бемиш выслушал новость дважды, – один раз в эфире и другой раз в записи, – подумал, почесал лоб и связался по комму с господином Шавашем.

– Господин Шаваш, – сказал иномирец, – мне тут Киссур подарил усадьбу. Вы не могли бы рекомендовать для нее честного управляющего?

Министр финансов с некоторой иронией в голосе заверил его, что он почтет за счастье отыскать для господина Бемиша все, что угодно: бессмертного феникса, трехголового дракона и даже честного управляющего.

* * *

На другом конце линии связи Шаваш размышлял несколько секунд, а потом позвал секретаря и отдал необходимые приказания.

Вскоре в его кабинет вошел молодой человек с круглым лицом и приятными, но грустными глазами василькового цвета. Кожа молодого человека было необычайно бледной, цвета сырого теста. Иномирец или иной несведущий человек решил бы, что обладатель такой кожи нездоров или долго не выходил из дому, а веец немедленно бы заподозрил, что тот сидел в тюрьме.

Итак, молодой человек по имени Адини приблизился на три шага к столу чиновника и замер, ожидая приказаний.

– Киссур, – сказал Шаваш, – подарил иномирцу по имени Теренс Бемиш усадьбу близ Ассалаха, и иномирец ищет управляющего. Я хочу подарить ему тебя.

– Да, господин, – почтительно сказал Адини.

– Ты будешь наблюдать за ним и докладывать мне обо всех его встречах и планах.

Маленький чиновник в кремовом костюме и с аккуратными, унизанными перстнями пальцами достал из папки лист бумаги казенного вида, со множеством подписей и печатей.

– Как только Бемиш улетит с планеты, – сказал, как всегда улыбаясь, Шаваш, – эта бумага будет уничтожена. Таким образом, в твоих интересах сделать так, чтобы Бемиш улетел с планеты. Ты меня понял?

– Да, господин.

– Теренс Бемиш умный человек, и он вряд ли ожидает, что я упущу возможность прислать к нему шпиона.

– Зачем же он просит вас об управляющем?

– Он надеется переманить моего шпиона на свою сторону. Когда он сделает тебе достаточно добрых дел, ты можешь сделать вид, что так оно и произошло. Ты признаешься, что я послал тебя следить за ним. Но помни, что Бемиш может дать тебе денег, однако только я избавлю тебя от этой бумаги. И помни, что если бы у Бемиша была эта бумага, он бы не играл с тобой в доброго человека. Он будет добр к тебе только потому, что у него нет другого оружия.

* * *

Бемиш в задумчивости сидел в резной беседке, размышляя о бренности мира и фьючерсах на уран, когда в воздухе послышался характерный шелест. Бемиш вышел из беседки:

далеко за кустами стоял белый флайер, над крыльями его еще бились последние сполохи «радуги». Через мгновение «радуга» потухла, крыша флайера раскрылась, как коробочка мака, и из машины вылезли двое: красивый, гибкий парень лет двадцати, в белых брюках и куртке, отороченной, по местному обычаю, бахромой на плечах и рукавах, и другой, скорее тощий, чем стройный, в клетчатой рубашке с оборванными рукавами и с красным цветком в волосах, по моде нынешних бунтарей.

– Можешь жить здесь хоть два месяца, – громко сказал на Стандарте тот, кто в куртке с бахромой, видимо, не опасаясь, что кто-то может его понять, – никто и рта не раскроет. За здешним управляющим водятся кое-какие грешки, и он не скажет о тебе даже брату.

– И много этих грехов?

– Не больше, чем у президента любого поганого банка.

Тут парень в куртке с бахромой оглянулся и заметил, что к ним по дорожке идет человек в чистой иноземной одежде, с черными глазами и черными, коротко подстриженными по моде со звезд волосами.

– Ты кто такой? – позвал парень.

– Меня зовут Теренс Бемиш, и я хозяин этой усадьбы.

– Что за вздор! Это усадьба моего брата! А управляющим здесь Ханни!

– Вы верно не смотрели утренние новости. Та м много говорят о вашем Ханни.

Парень в куртке с бахромой тревожно завертел головой, а Бемиш сказал:

– Я буду счастлив помочь вам. Не думаю, что Киссур обрадовался бы, узнав, что я прогнал его брата с гостями.

Бемиш велел слугам накрыть стол на террасе, и скоро его неожиданные гости поглощали обильный завтрак. Брата Киссура звали Ашидан, и, присмотревшись, Бемиш понял, что ему все-таки не двадцать, а лет двадцать пять. Белокурый Ашидан казался чуть уменьшенной копией Киссура: он был как-то мельче в плечах и изящней, и тонкие его руки с длинными худыми пальцами все время копошились по столу, как куры копошатся по корму. У него было очень чистое, с высокими бровями и пухлыми губами лицо, и глаза его были не карие, как у Киссура, а светло-серые, как зола в очаге. Спутник Ашидана не представился никак, а тут же забился на самый конец стола и смотрел оттуда так, как будто его в этот конец загнали плеткой.

– А чем вы занимаетесь? – спросил Ашидан, с аппетитом уплетая кукурузные с сыром лепешки.

– Я финансист.

– Со странной публикой общается мой брат, – заметил Ашидан.

– А вы чем занимаетесь? – поинтересовался Бемиш у нового гостя.

– Не ваше дерьмовое дело.

– Позвольте, – поинтересовался Бемиш, – мы ведь с вами познакомились две минуты назад. Я ничего о вас не знаю. Что вы знаете обо мне, чтобы называть меня дерьмом?

– А вы каким классом прилетели сюда, на эту планету?

– Первым.

– Ну вот. Разве человек, у которого хватает денег на то, чтобы летать первым классом, может быть не дерьмом?

– Вы анархист? – поинтересовался Бемиш. – Коммунист?

– Сочувствующий.

– Чему и кому? Эсиноле? Марксу? Ли Дану?

– Сочувствующий народу, который люди вроде вас заорали деньгами.

– А почему вы сочувствуете ему на Вее?

– Мне интересна эта планета, – сказал незнакомец с цветком в волосах. – Она еще не погрязла в материальном достатке.

– Да, – согласился Бемиш, – не погрязла. Но я надеюсь это дело поправить.

– А?

– Сделать так, чтобы она погрязла в достатке, – уточнил Бемиш.

– Вздор! Вам нет дела ни до чего, кроме собственной прибыли!

Бемиш неторопливо допивал терпкий красный напиток, который ему подали вместо кофе. Последний раз он слышал эти слова от бывшего президента «АДО», вышвырнутого им из удобного, но обременительного для фирмы кресла.

– Полегче на поворотах, – насмешливо сказал своему спутнику Ашидан, – а то он сейчас позовет стражу.

– Я бы непременно позвал стражу, – сказал Бемиш, – если бы вы на моих глазах собирали бомбу. Но поскольку вы только языком молотите – на кой черт я буду кого-то звать?

– А брату скажете?

Бемиш внимательно смотрел на Ашидана. Утренние кадры все не шли у него из головы. Только сейчас он сообразил, что принял подарок из рук убийцы и что подарок этот принадлежал человеку, убитому сегодня ночью. Почему-то Бемиш почувствовал себя соучастником преступления. Бемиш снял с руки комм и протянул юноше.

– Скажите ему сами, – предложил Бемиш.

Ашидан поднялся и вышел в сад. В этот миг на террасу прибежали слуги, извещавшие о приезде уездного начальника.

Он привез с собой дары: три блюда жареного мяса с чесноком, молочного поросенка, салаты в плоских корзиночках, а также блюдо сдобного печенья в форме грецких орехов и круглый сладкий пирог с начинкой из айвы, украшенный фамилией Бемиша, написанной, впрочем, с ошибкой.

Бемиш провел гостя в садовую беседку. Начальник поклонился ему пирогом и сказал:

– Большая честь, господин Бемиш, что вы теперь будете, в некотором роде, проживать среди нас. Я счастлив выразить вам свою благодарность. Благодаря вашей помощи и отваге Киссура было раскрыто преступление, редкое по гнусности и масштабам.

– Не думаю, чтобы вы о нем не знали, – сказал Бемиш.

– Вай, как вы можете так говорить! Я был просто потрясен, раздавлен, как лягушка телегой!

Бемиш пожал плечами. Постучавшийся слуга появился в двери с дымящимся чайником и сластями в плетеных корзиночках.

Некоторое время хозяин и гость поили друг друга чаем, старательно избегая разговора об утренней находке, а потом уездный поинтересовался:

– Говорят, вы теперь будете начальником над нашей стройкой?

– Об этом еще рано говорить, – сказал Бемиш.

И тут Бемишу показалось, что уездный начальник хитро и нагло ему подморгнул.

– Ну, право, – сказал уездный, – теперь-то в этом сомневаться не стоит. Поверьте, я и многие вокруг будут просто счастливы сделать все, что они могут для вас. Друг Киссура – наш друг.

– Это вы выпороли Краснова? – спросил Бемиш.

– А?

– Трейдера, который приезжал в Ассалах за акциями. Вы сказали, что не позволите иностранцам грабить народ?

Уездный начальник понимающе кивнул. Лицо его стало важным и доброжелательным, и похожий на сардельку нос слегка задрался вверх.

– Увы, – сказал он, – народ как ребенок, а чиновники вынуждены его охранять. Как я могу допустить, чтобы они продавали бесценное достояние за гроши?

– За гроши нельзя, а даром можно? В счет уплаты вами же выдуманных налогов?

– Вай! – вскричал уездный чиновник, – как вы можете такое говорить!

Его полное лицо покраснело, на широко раскрытых глазах показались слезы.

– У вас есть акции компании? Вы заплатили за них хоть грош?

Глаза уездного начальника глядели честно и прямо.

– Отныне, – сказал начальник уезда, – весь смысл моей жизни в услужении вам! Что вы хотите? Я все исполню.

– Ваши акции Ассалаха, – сказал Бемиш. – По той же цене, по которой вам продавали их крестьяне. То есть даром.

– Но у меня их нет, – изумился уездный начальник.

Иномирец пристально поглядел на него и улыбнулся. Уездный начальник улыбнулся в ответ. Та к они улыбались, один и другой, и улыбка уездного постепенно становилась все напряженней. Бемиш позвонил в колокольчик, и явившийся слуга с поклоном поставил перед ним чашку чая.

– Надо же, – сказал Бемиш, – вот и покойный управляющий тоже сначала говорил, что у него акций нет. Кстати, вы все-таки не выяснили, кто же его убил?

Уездный начальник поперхнулся и стал белым, как полотно.

Теренс Бемиш встал.

– Не задерживаю вас, – сказал иномирец.

Губы чиновника затряслись.

– Я… я почту за честь подарить вам все, что имею, – сказал он.

* * *

Когда Бемиш сошел в сад, Ашидан стоял на краю бассейна, в котором плескался его приятель, и занимался тем, что кидал тонкие, хорошо зачищенные стрелы в пузатый горшок.

– Ну что, поговорили вы с этим выродком? – спросил Ашидан. – Сколько он вам дал, чтобы против него не возбуждали дела?

– Прекратите хамить, Ашидан.

– Этот начальник уезда – большой чудак, – продолжал юноша, – единственный из местных чиновников, который каждый день сидит в своем кабинете. И знаете, что он там делает?

– Ну?

– Он запирается там со своим молоденьким секретарем, потому что жена его происходит из гораздо лучшего рода, нежели он сам, и не позволяет этаких дел дома.

Глава четвертая, в которой Киссур рассказывает инвестиционным банкирам о способах дрессировки разбойничьего коня, а Теренс Бемиш знакомится с очередными претендентами на акции Ассалаха

На следующий же день по приезде в столицу Бемиш оказался на приеме, который префект города устраивал в своей загородной усадьбе по случаю дня цветения слив или еще какой-то схожей божественности.

Прием был шикарный. Был весь свет.

Чиновники говорили об инфляции и необходимости сохранять устои. Люди со звезд говорили об инфляции и необходимости сохранять устои.

В уголке иностранные предприниматели делились более конкретными впечатлениями от местного делового климата.

– И вот этот настоятель приходит ко мне и предлагает освятить банк во избежание несчастья, и просит за обряд двести тысяч денаров. Я отказываюсь, и ночью в офисе начинается пожар. А на следующий день эта тварь опять приходит ко мне, соболезнует и снова просит двести тысяч. А когда я пожаловался полиции, мне посоветовали не рыпаться и заплатить, потому что настоятель связан с шайкой Рогача.

– Кстати, о банках: вы знаете, что единственные, кто получал в этом месяце бюджетные назначения, были те, кто имел расчетные счета в банках, контролируемых Шавашем? Говорят, что самому Шавашу был откат в десять процентов.

Бемиша представили послу Федерации Девятнадцати, пожилому подтянутому дипломату по фамилии Северин, и посол немедленно, отведя Бемиша в угол, принялся рассказывать ему достоверные случаи из жизни местных чиновников.

Послов было около дюжины. Бемиш вдруг с удивлением подумал, что еще пятнадцать… какое пятнадцать, – десять лет назад послов было бы гораздо меньше. Одна за другой колонии Земли расставались с Федерацией Девятнадцати, иные мирно, иные с битьем посуды.

Когда Бемиша подвели к послу Геры, тот разговаривал с двумя людьми, лица которых показались Бемишу отдаленно знакомыми.

– Господин Александр Симонов, – представил посол одного. – Господин Джонатан Аль-Масри, – второго.

Бемиш не моргнул глазом.

Господина Александра Симонова разыскивала полиция половины Галактики. В течение двадцати лет господин Симонов был одним из самых крупных и уважаемых бизнесменов. Сын космодромного техника, он к тридцати годам сколотил состояние в пять миллиардов денаров и пользовался неограниченным доверием банков, дававших ссуды под приобретенные им с целью строительства земельные участки. К сожалению, в последние несколько лет дела г-на Симонова пошли все хуже и хуже, и он создал целую сеть компаний, приобретавших друг у друга вышеописанные участки, которые затем и использовались как обеспечение для банковских ссуд. В конце пятого акта Симонов сбежал. Когда разочарованные банки наложили арест на земельные участки и недостроенные небоскребы, выяснилось, что их истинная стоимость не совсем соответствует цене, за которую их покупали друг у друга родственные компании, и не покрывает и двадцатой части набранных Симоновым кредитов.

Что касается г-на Аль-Масри, то он тоже был финансовой легендой и менеджером преуспевающего фонда, который вкладывал сбережения граждан в надежные государственные

ценные бумаги. Та к уж получилось, что доходы, которые обещал Аль-Масри, на три процента превышали возможную прибыль от операций с государственным займом, и поэтому г-н Аль-Масри, суля на словах полную надежность, помещал средства своих вкладчиков в куда более доходные и куда менее надежные финансовые инструменты. Вкладчики, прельщенные высоким доходом, стремились к нему толпами, и он имел в фонде деньги скромных пенсионерок и посудомоек, которые никогда бы не имел, если бы состав активов его фонда был известен широкой публике. Аль-Масри, с его фантастическим финансовым чутьем, не раз срывал гигантские куши, покупая за пять процентов от номинала облигации обанкротившейся компании, которые потом приносили почти девяносто процентов от номинала, и отлично жил на маржу между тем, что выплачивал вкладчикам и что получал сам.

Погубили его не финансовые, а политические неурядицы: новый налоговый закон на Агее, где находилась штаб-квартира его фонда, да пара пронырливых аудиторов. Имущество Аль-Масри было арестовано, жена его развелась с ним со скандалом, оставив себе десяток вилл, непредусмотрительно переведенных Аль-Масри на ее имя, фонд мгновенно обанкротился, а сам Аль-Масри сбежал на Геру, откуда не переставал доказывать, что всю жизнь честно исполнял обязательства перед своими инвесторами и платил им ровно столько, сколько обещал.

Кстати, федеральная комиссия по ценным бумагам этого не отрицала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.